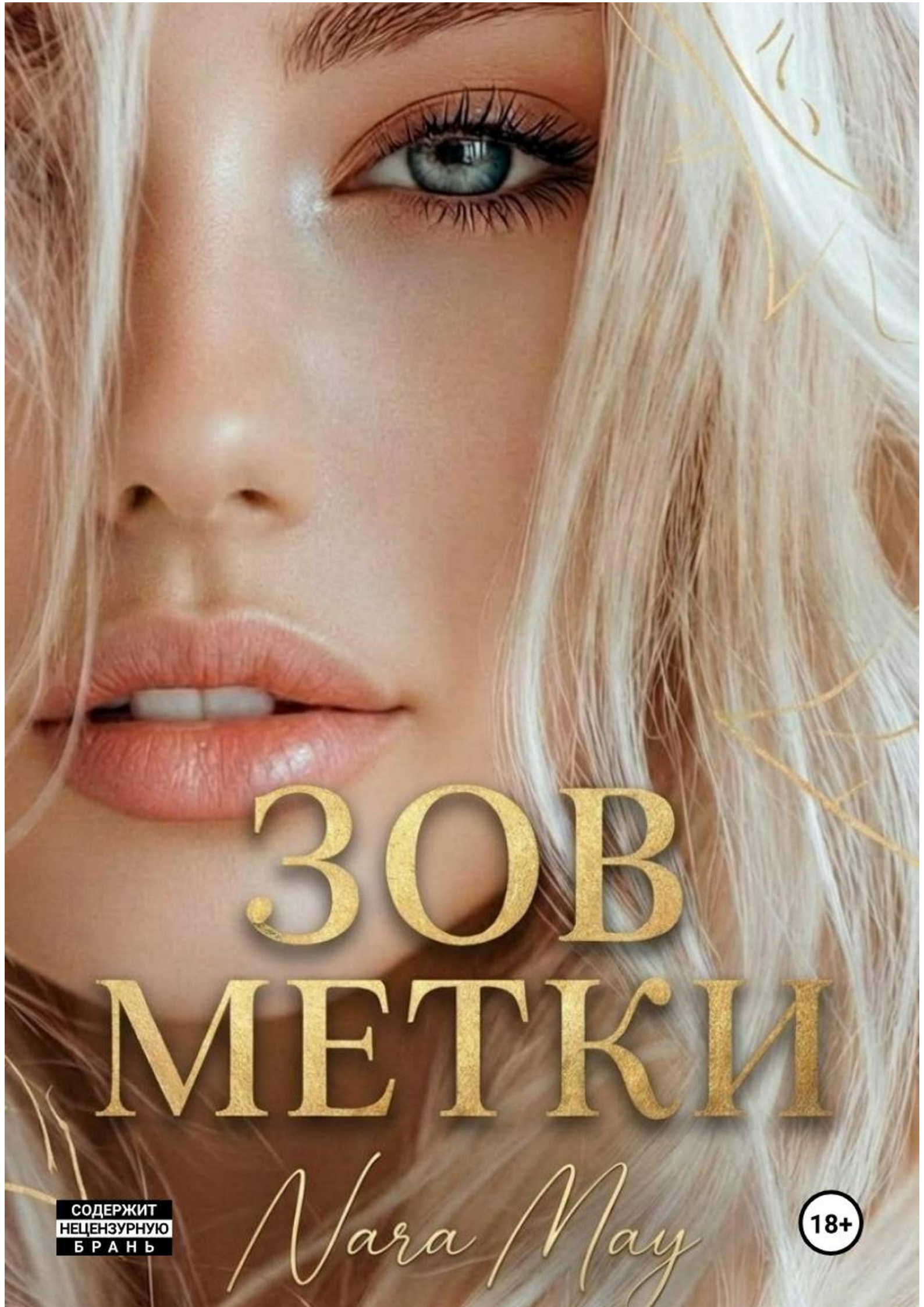

30 В МЕТКИ

Nara May

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Nara May

Зов метки

«Автор»

2026

May N.

Зов метки / N. May — «Автор», 2026

Он спас меня от медведя. А потом поставил метку. Назар. Волк. Альфа. Мужчина, от которого у меня подкашиваются колени. Я не знала, что он оборотень, когда позволила ему прикоснуться ко мне. Не знала, что в порыве страсти он свяжет нас навсегда. Теперь метка на моей шее пульсирует, когда он далеко. Она зовёт его. Она сводит меня с ума. Я пытаюсь сбежать. Но он находит меня каждый раз. Говорит, что я — его истинная пара. Что без меня он умрёт. Что будет защищать меня даже ценой своей стаи. А я хочу только одного — забыть его запах, его руки, его укус. Но метка зовёт. И я боюсь, что однажды перестану сопротивляться. Для тех, кто знает: настоящая любовь — это битва. С ним. С собой. С меткой, которая зовёт.

© May N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава.1	7
Глава.2	12
ЖЕНЯ	12
Глава.3	23
У ПОДНОЖЬЯ	23
Глава.4	28
ЗАПАХ ЛЕСА	28
Глава.5	32
ЗЕМЛЯ УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ	32
Глава.6	37
ДИКИЙ СКЛОН	37
Глава.7	41
СВИДАНИЕ НА ПЕРЕВАЛЕ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Nara May

Зов метки

ПРОЛОГ

Я не знала, что метки существуют.

Я вообще ничего не знала о его мире.

О том, что среди нас живут те, кто умеет превращаться в зверей. О том, что по ночам в горах рычит не ветер. О том, что волчьи глаза могут смотреть на тебя из темноты — и ты не захочешь отвести взгляд.

Всё это я узнала позже. Когда уже нельзя было повернуть назад.

Он вошёл в мой магазин в обычный серый день. Я сразу заметила его — не потому что он был красив, хотя да, красивым он был таким, от чего у женщин перехватывает дыхание. От него пахло лесом, снегом и чем-то диким. Тем, чего нет в городе.

Назар. Он сразу назвал своё имя. Смотрел прямо в глаза, и в его взгляде было что-то звериное — то, что я тогда не умела читать, но чувствовала каждой клеткой.

Между нами что-то вспыхнуло в ту же секунду. Не слова. Не обещания. Просто воздух стал другим — тягучим, горячим, опасным. Я не могу описать это иначе. Я просто посмотрела на него — и поняла, что пропала.

Та ночь случилась не потому, что мы планировали. Она случилась, потому что между нами горело что-то такое, чему нет названия. Не просто секс. Огонь. Пламя, которое сожгло все мои защиты. Его руки, его губы, его дыхание — я помню каждую секунду, и это знание живёт во мне под кожей.

В ту ночь он поставил на мне метку.

Я не почувствовала сразу. Оргазм, пик, его зубы на моей шее — я приняла это за часть безумной ночи. За поцелуй. За укус, который забудется к утру.

Только лёгкое жжение на затылке — такое слабое, что я не придала ему значения.

А затем он исчез.

Я не знала, куда. Не знала, почему. Я злилась, ненавидела, проклинала себя за доверчивость. Убеждала себя, что он просто очередной мужчина, который получил своё и ушёл. Что свобода дороже.

Но моё тело думало иначе.

Сначала лёгкая пульсация, когда я вспоминала его имя. Потом жжение, которое не давало уснуть. Потом — нечто большее. Каждый раз, когда я пыталась забыть, меня тянуло обратно. Невидимая нить. Кровь, которая пела его имя. Тело, которое не слушалось разума.

Я сходила с ума.

Я не хотела его. Я боялась своей слабости. Но когда я закрывала глаза, я чувствовала только одно — желание. Оно было сильнее меня. Сильнее моего страха. Сильнее моей гордости.

А когда я узнала правду — стало только хуже.

Он — оборотень. Вожак стаи. Тот самый волк, который спас меня на склоне. А медведь, который тогда напал на меня... он тоже был зверем. Чужаком, который учуял мой запах — сладкий, манящий, полный жизни. Для медведя я была добычей. Для него я была просто самкой, которую можно взять.

Для Назара я была всем. Его — парой.

Та метка, которую он поставил в порыве страсти, связала нас навсегда. Теперь я чувствую его за километры. Моё тело откликается на его зов быстрее, чем сердце бьётся. Я ненавижу его за это — и хочу снова оказаться в его руках.

Мне страшно.

Я боюсь его мира — мира крови, стай и войны. Боюсь смотреть, как он разрывает глотки ради меня. Я боюсь его стаи. Я боюсь медведя, который теперь охотится на меня. Я боюсь, что однажды я перестану быть собой и стану просто его парой, его самкой, его собственностью.

Я пытаюсь уйти. Спрятаться. Забыть. Но связь не отпускает. Она шепчет его имя. Она тянет меня обратно. Каждый побег заканчивается возвращением.

Назар говорит, что защитит меня. Что умрёт без меня. Что эта связь — не проклятие, а дар.

Я не знаю, кому верить.

Я знаю только одно: теперь моя жизнь — не моя. Она принадлежит ему. И я не знаю, чем это закончится. Спасу ли я его — или уничтожу. Обрету ли свободу — или навсегда останусь в его стае.

Но метка зовёт.

И я боюсь, что однажды я перестану сопротивляться.

Что будет, когда я сдамся? Я не знаю ответа. Но теперь моя жизнь — это битва. С ним. С собой. С меткой, которая превращает ненависть в желание, а страх — в одержимость.

Это моя история. История девушки, которая хотела свободы, но получила оковы. История любви, от которой не убежать. История страсти, которая жжёт сильнее огня.

История метки, которая связала нас навсегда.

Добро пожаловать в мою жизнь. В мир, где звери ходят среди людей. Где любовь — это проклятие. Где каждый поцелуй может стать последним.

И помните: если однажды вы встретите волка с человеческими глазами — бегите. Потому что если он поставит на вас метку, вы уже никогда не будете прежней.

Глава.1

ЗВЕРЬ НА СКЛОНЕ

Сон сбежал, оставив после себя только глухое чувство тревоги.

Я открыла глаза — за окном было ещё темно. Раннее мартовское утро только начинало подсвечивать горизонт бледной полосой, но солнце даже не думало показываться из-за горного хребта, что тянулся вдоль восточной стороны долины. Я перевернулась на спину, уставилась в потолок и поняла: больше не усну.

Вчерашний день висел на плечах тяжёлым грузом.

Не то чтобы случилось что-то из ряда вон выходящее. Просто обычный день в «У подножия» — маленьком магазинчике проката снаряжения, где я работаю — выдался длинным, как зимняя ночь. Вернули три комплекта лыж с претензиями — туристы умудрились сломать крепления на ровном месте, словно специально старались. Потом звонил поставщик, который снова задержал оплату, и пришлось полчаса доказывать, что товар нужен уже вчера. А под вечер мать устроила очередной разнос по телефону.

«Когда ты уже остепенишься, Женя? Девки в твоём возрасте замужем, детей рожают. А ты? На своей доске, на своём мотоцикле Кому ты нужна такая?»

Я тогда ничего не ответила. Просто сбросила звонок под предлогом усталости и долго сидела на подоконнике, глядя на тёмные горы.

Мысли не шли. Они застревали где-то в горле колючим комом.

Я села на кровати, спустила ноги на пол. Пол под босыми ступнями был холодным — отопление в старой студии над гаражом работало через раз, но я привыкла. Не жаловалась. Вообще редко кто слышал, чтоб я жаловалась.

«Хватит, — сказала я себе. — Поеду на склон. Один большой спуск — и голова на месте». Это всегда работало.

Скорость выдувала всё лишнее. Ветер сбивал мысли в клочья и уносил прочь, оставляя только чистое, первобытное чувство полёта. Когда доска режет снег, а горы проносятся мимо размытой стеной, не остаётся места ни для сомнений, ни для обид, ни для маминых голосов, как бы сильно они ни раздражали.

Я поднялась одним плавным движением — никакой утренней размазни, никаких «пять минут ещё полежу». В двадцать пять лет я уже знала цену времени.

Шторы в сторону — серый рассвет ворвался в комнату, высветил знакомые очертания: узкая кровать у стены, старый комод, на котором громоздились журналы по ремонту мотоциклов, на вешалке — куртки и шлемы. На стенах — несколько фотографий: горы, спуски, я сама на доске в прыжке.

Никаких рамок с улыбающимися родственниками. Никаких девичьих безделушек. Только то, что имеет значение.

Я скользнула в ванную, умылась ледяной водой — сразу проснулась окончательно. Зубы, быстрый взгляд в зеркало: серо-зелёные глаза с тёмным ободком смотрели настороженно, словно чего-то ждали. Брови чуть сдвинуты — привычное выражение лица для тех, кто меня не знал. На самом деле я не злилась. Просто собиралась.

Волосы — светло-русые, с побелевшими прядями — я собрала в низкий хвост, чтобы не лезли в лицо. Сегодня не до красоты.

Термобельё легло на тело как вторая кожа — плотное, тёплое, идеально сидящее. Следом — флисовая кофта, потом мембранные штаны. Я двигалась быстро, без лишних движений,

словно танцевала давно заученный танец. Застегнуть, подтянуть, поправить — всё отточено годами.

Оранжевая куртка. Моя любимая.

Я погладила рукав — ткань шуршала под пальцами. Кислотно-яркая, заметная издалека, с множеством карманов и потёртостями на локтях. В прошлом сезоне она стоила половину зарплаты, но я не пожалела ни копейки. В горах безопасность — не роскошь.

Сначала маска-балаклава — плотная, чёрная, закрывает лицо до самых глаз. Я натянула её, поправила, чтобы не давила. Потом шлем. Проверила крепления — всё в порядке.

Перчатки, очки, рюкзак с запасной флиской и термосом. Доска уже ждала у порога — старый «Burton», исцарапанный до неузнаваемости, с почти стёршимся рисунком. Я взяла её в руки, провела пальцами по канту — острый, как бритва. Я сама точила его неделю назад, чувствуя, как металл поддается, как скользит абразивный камень по стали.

«Мы с тобой ещё летаем», — сказала я доске, усмехнувшись собственной привычке разговаривать с вещами.

На пороге задержалась на секунду, оглянулась на студию. Маленькая, но своя.

Щёлкнул замок — и я уже на улице.

* * *

Городок спал. Северный Утёс в предрассветные часы выглядел так, будто его накрыли одеялом. Тишина. Только снег скрипит под ногами, да где-то далеко лает собака.

Я люблю это время. Горы ещё тёмные, но небо на востоке уже светлеет, обещая новый день.

Я шла быстрым шагом, доска под мышкой. Тропу к «Старому зубу» знаю с закрытыми глазами — каждый поворот, каждую корягу.

Лес встретил меня тишиной. Слишком плотной. Слишком настороженной.

Я сбавила шаг, прислушалась. Ничего. Только сердце стучит в груди.

«Нервничаю, — подумала я. — Из-за вчерашнего».

Отогнала тревогу и ускорила.

Через десять минут я уже стояла у подножия скалы. «Старый зуб» возвышался над лесом тёмной громадой. Отсюда открывался вид на весь склон — крутой, нетронутый, с жёстким настом.

Никого. Только я и горы.

Я поставила доску на снег, пристегнула крепления. Щелчок — и ботинок зафиксирован. Второй — и я готова.

Выпрямилась, поправила очки, сделала шаг вперёд. Доска привычно легла под ноги, когда я встала на неё, проверяя баланс. Снег под креплениями хрустел — плотный, утрамбованный ночным морозом.

И в этот момент я услышала треск.

Не обычный звук леса — не ветку сломало, не снег комом упал с сосны. Что-то тяжёлое. Мокрое. Живое.

Я замерла.

Резко обернулась через плечо — и сердце ухнуло куда-то вниз, к самой пятке.

Медведь.

Он стоял метрах в тридцати от меня, возвышаясь на задних лапах, словно гора, выросшая посреди белого поля. Бурый, огромный, с тёмным загривком, который выдавал в нём старого, опытного самца. Его передние лапы висели вдоль туши, когти — чёрные, длинные, как ножи — блестели в утреннем свете.

Я никогда не видела таких крупных медведей.

Он не двигался. Только смотрел. Маленькие, глубоко посаженные глаза горели жёлтым огнём — голодным, злым, нечеловеческим. В этом взгляде не было ни любопытства, ни случайности. Он выслеживал меня. Он знал, что я здесь, ещё до того, как я пристегнула доску.

Медведь-шатун.

В моей голове щёлкнуло — холодное, чёткое осознание. Зверь, который не уснул зимой. Или его разбудили. Или он заболел. Неважно. Важно другое: шатуны не боятся людей. Они голодны. Они злы. Они убивают не ради защиты, а ради еды.

Я не шевелилась. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие сжались, дыхание перехватило. Я смотрела на него, а он смотрел на меня, и в этой тишине я поняла: сейчас решится, буду ли я жить дальше.

Медведь медленно опустил на четыре лапы.

Земля под ним дрогнула — или мне показалось? Тысяча килограммов мышц, костей и голода двинулась в мою сторону. Не быстро. Не медленно. Так, словно он знал — я никуда не денусь.

Страх обжёг внутренности.

Не тот липкий, сковывающий ужас, от которого немеют конечности. Другой — животный, первобытный, тот, что поднимает шерсть дыбом даже на том, у кого шерсти нет. Он кричал мне: беги. Сейчас. Или умрёшь.

Я не закричала. Не замерла.

Моё тело знало, что делать, даже когда мозг застыл в панике.

Рывок — я развернулась лицом к склону. Ноги в крепления — раз, два, на автомате, как делала тысячу раз до этого. Щелчок, ещё щелчок. Доска подо мной. Толчок корпусом вперёд.

Доска врезалась в наст, и я полетела вниз.

Склон уходил из-под ног крутой стеной.

Жёсткий, ледянистый наст сопротивлялся, вибрация шла вверх по ногам, в позвоночник, в зубы. Я не сбавляла скорость. Не могла. Не имела права.

Если я упаду сейчас — всё.

Медведь не остановится. Он доберётся до меня быстрее, чем я успею отстегнуться. Один удар лапой — и рёбра сломаются, как сухие ветки. Один укус — и я не встану.

Я неслась вниз, и каждая секунда тянулась бесконечно.

Сзади — тяжёлый, чавкающий звук огромного тела, которое врезается в снег, разрывает его, отталкивается снова. Медведь не отставал. Он ускорился. Этот зверь, который должен спать в берлоге до апреля, теперь нёсся за мной по склону, разъярённый, голодный, обезумевший.

Я слышала его дыхание. Хриплое, частое, вырывающееся из пасти вместе с клубами пара.

Потом я услышала рык. Низкий, горловой, вибрирующий — от него кровь стынет в жилах. Он рычал не громко. Он рычал так, чтобы я знала: он близко. Он почти достал меня.

Пульс стучал в висках, на кончиках пальцев, везде. Лёгкие горели. Ноги напряжены до предела, колени работают как амортизаторы, тело само ведёт доску по неровностям. Всё на автомате. Всё на пределе.

Я рискнула. Бросила взгляд через левое плечо.

Метров пятнадцать. Может, меньше.

Медведь нёсся за мной, его туша казалась неестественно подвижной для таких размеров. Шерсть на загривке стояла дыбом. Глаза — жёлтые, горящие — смотрели прямо на меня.

Он не просто бежал. Он охотился.

«Твою мать!»

Крик вырвался сам. Не от страха — хотя он душил меня. От ярости. От того, что я не собиралась становиться чьим-то завтраком. Не сегодня. Не здесь.

Паника — роскошь, которую я не могла себе позволить. Если я сейчас расклеюсь — упаду. А если упаду — не встану.

Доска подо мной резала наст, высекая ледяную крошку, которая била в лицо, забивалась под очки. Я не чувствовала холода. Только ветер — плотный, упругий, он давил на грудь, норовил сбросить.

Я не давалась.

Вперёд. Только вперёд.

Склон внизу сужался, переходя в пологий выкат к лесу. Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

Сзади снова рык — ближе, громче, злее.

Я не оборачивалась больше.

И вдруг — удар.

Сбоку, слева, из лесной полосы вылетела тень. Серая, стремительная, огромная — такой большой, что в первый миг я подумала: мне показалось. Галлюцинация от страха. Мозг выдумывает то, чего нет, потому что реальность слишком невыносима.

Но это была не галлюцинация.

Волк.

Он врезался в медведя с такой силой, что зверя отбросило в сторону. Я видела это краем глаза — как огромная бурая туша пошатнулась, как лапы заскользили по насту, как медведь попытался удержать равновесие и не смог.

Волк был огромным. Нереально огромным.

Я никогда в жизни не видела таких. Серый, почти пепельный мех, широкие плечи, мощная грудь — он был размером с небольшого быка. Его лапы, когда он приземлился на снег после удара, казались пружинами, готовыми к новому броску. Голова — крупная, с широким лбом и чёрными губами, которые обнажили клыки — длинные, белые, страшные.

Он не рычал. Он молчал.

И в этой тишине было что-то более жуткое, чем любой рык. Он не угрожал. Он действовал. Бесстрашно. Без колебаний.

Моё сердце ёкнуло.

Не от страха. Нет, страха во мне было уже столько, что он переполнял каждую клетку. Что-то другое. Странное. Тёплое, что разлилось в груди, когда я увидела, как этот серый зверь бросается на медведя снова.

Он не боялся. Он был сильнее. И он спасал меня.

Я не знала, откуда взялась эта мысль. Не знала, почему я вдруг почувствовала, что этот волк — не случайность. Что он пришёл за мной. Что он знал, что я здесь.

Глупость. Безумие. Волк не может знать.

Но моё сердце билось чаще не только от адреналина.

Я не остановилась. Не могла. Склон подо мной всё ещё уходил вниз, скорость всё ещё была запредельной. Если я сейчас задержусь, если позволю себе обернуться и посмотреть — я упаду.

Я неслась дальше.

За спиной — рык. Нет, не рык. Битва. Тяжёлое дыхание, хруст снега под лапами, глухие, мощные звуки ударов. Два зверя дрались за что-то, чего я не понимала.

Волк врезался в медведя снова. Я слышала, как зверь взревел — не от ярости, от боли.

Я не оборачивалась.

Только вперёд.

Но образ этого волка — огромного, серого, бесстрашного — уже врезался в мою память. Его мощные плечи. Его клыки. Его глаза — я не видела их, но чувствовала, что они смотрели на меня. Не на медведя. На меня.

Моё тело дрожало. От холода. От страха. От чего-то ещё, чему я не могла найти названия.

Доска вынесла меня к подножию. Склон выположился, скорость начала падать. Я проехала ещё метров двести, пока не остановилась окончательно.

Только тогда я позволила себе выдохнуть.

Я стояла, согнувшись, уперев руки в колени, и дышала так, словно только что вырвалась из пасти смерти. Пот заливал лицо, несмотря на мороз. Ноги тряслись.

Я медленно выпрямилась и посмотрела наверх, туда, где остались медведь и волк.

Тишина.

Ни звука. Ни движения. Только следы борьбы на снегу — вывороченный наст, клочья шерсти, тёмные пятна крови.

Волк исчез.

Или ушёл. Или его больше не было. Я не знала.

Я знала только одно: я никогда не забуду этого серого зверя. И где-то глубоко внутри я надеялась, что он вернётся.

Глупо. Безумно.

Но сердце билось чаще при одной только мысли о нём.

Я отстегнула доску, закинула её на плечо и пошла к городу. Снег скрипел под ботинками, ветер трепал волосы, выбившиеся из-под шлема. Обычный путь. Обычный день. Всё как всегда.

Только на границе леса, где тропа выходила к первым домам, я вдруг остановилась.

Не знаю, почему. Просто почувствовала — спиной, затылком, тем местом между лопаток, которое холодеет, когда на тебя смотрят.

Я обернулась.

Лес стоял тёмный, молчаливый. Ни движения. Ни звука.

Но оттуда, из-под еловых лап, на меня смотрели два глаза. Жёлтые. Волчьи. Они горели в полумраке, не мигая, не отводя взгляда.

Волк не ушёл. Он ждал. Смотрел. Следил.

Я замерла на секунду, не в силах пошевелиться. А потом глаза исчезли — будто их и не было. Только ветер качнул заснеженную ветку.

Я заставила себя развернуться и пойти дальше. Шаг. Ещё шаг. Сердце колотилось где-то в горле.

Он смотрел на меня. Не на медведя. На меня. И в этом взгляде было что-то, чему я не могла найти названия.

Я не знала тогда, что это только начало.

Глава.2

ЖЕНЯ

Дом встретил меня тишиной.

Я прислонилась спиной к двери, заперла оба замка. Привычные звуки — щелчок, ещё щелчок — действовали лучше любого успокоительного. Здесь, в моей студии, медведь не мог меня достать. Здесь был мой мир. Узкий, тесный, но мой.

Доска грохнулась об пол. Ботинки я стянула пинками, не нагибаясь. Шлем, маска, перчатки — в кучу у порога. В ванную прошла босиком, не чувствуя холода.

Включила воду на полную мощность. Почти кипяток.

Под струями я стояла долго. Сначала просто зажмурилась, чувствуя, как тепло вливается в мышцы, выгоняет дрожь, которая въелась под кожу. Потом подняла руки — на предплечьях, на ладонях, на пальцах. Мелкие царапины. Ледяная крошка оставила следы. Вода смывала грязь и сукровицу, стекала в слив. Я смотрела, как кружатся прозрачные капли, и считала их. Раз. Два. Три. Ровно столько, сколько нужно, чтобы перестать дрожать.

Выключила воду. Вытерлась. Натянула старую футболку и мягкие штаны — ту самую домашнюю форму, в которой можно развалиться на кровати и не двигаться до вечера.

Руки всё ещё подрагивали.

— Соберись, — сказала я своему отражению.

В зеркале стояла растрёпанная, бледная девушка с серо-зелёными глазами и тёмными кругами под ними. Обычная я. Только чуть более взъерошенная.

Прошла на кухню, щёлкнула кофемашиной. Пока она пыхла и шипела, достала кружку. Глиняную, с трещиной на ручке. В неё влезало две порции — именно столько мне было нужно сейчас.

Кофе полился чёрной, густой струёй. Я не стала ждать — сделала глоток и обожгла язык. Боль была настоящей. Не той, что мерещится от страха. Настоящая боль возвращает в тело. Это мне и было нужно.

С кружкой в руках я забралась на подоконник. Моё место. Отсюда горы как на ладони — тёмные, тяжёлые, в белых шапках. Я смотрела на них и пыталась разложить случившееся по полочкам.

Медведь. Шатун.

Я вспомнила его глаза. Жёлтые, голодные, нечеловеческие. Он не защищал территорию — он охотился. Целенаправленно. На меня.

Поставила кружку на подоконник.

А волк.

Образ серого зверя врезался в память чётко, как фотография. Возник из ниоткуда — огромный, стремительный, бесшумный. Врезался в медведя с такой силой, что того отбросило. Один против шатуна. И не просто атаковал — защищал. Меня.

Я выросла в этих горах. В двенадцать лет я видела волка вблизи — тощего, с поджатым хвостом, он удирал от нашей собаки. Вожак там и не пахло. Волки не герои. Они выживают. И уж точно не бросаются на медведей ради людей.

Но этот бросился.

Взяла кружку, сделала глоток. Кофе остыл, стал горьким.

— Просто повезло, — сказала я вслух. — Два хищника не поделили территорию. Я оказалась между ними. Ничего личного.

Я повторяла это как заклинание. Если сказать достаточно много раз — можно поверить.

Но внутри что-то не соглашалось.

Я не могла это объяснить. Не могла найти слов. Просто чувство — глупое, иррациональное — что за мной наблюдают. Не тогда, на склоне. Сейчас. Здесь. В моей студии. Кто-то смотрел на меня из-за гор, и я чувствовала этот взгляд кожей.

— Хватит, — оборвала я себя. — Ты жива. Ты дома. Всё остальное не важно.

Допила кофе. Поставила кружку в раковину.

И поняла, что не могу сидеть на месте.

Стены давили. Окно с видом на горы, которое всегда успокаивало, теперь казалось глазами — кто-то смотрел на меня оттуда, из темноты, не мигая. Я задёрнула штору. Не помогло.

Ключи. Куртка. Ботинки.

Я не пошла к парадной. Спустилась по внутренней лестнице в гараж. Здесь, внизу, не было окон. Только бетонные стены, запах бензина и она.

«Хонда» стояла посередине, как чёрная пантера в засаде.

Я купила её пять лет назад за полцены — у мужика, который заездил мотор и бросил умирать в сарае. Привезла на буксире, два года восстанавливала. Перебрала двигатель, поменяла проводку, выкрасила в чёрный матовый. Теперь она была моей. Идеальной. Живой.

Я не стала включать верхний свет — зажгла только лампу над верстаком. Тусклую, на сорок ватт. С ней гараж становился не светлым, а просто менее тёмным. Мне так нравилось.

Подошла к мотоциклу. Провела рукой по бензобаку — металл был холодным, но под пальцами чувствовалось что-то родное. Мотоцикл не спрашивал, как прошёл день. Не лез с разговорами. Не смотрел жёлтыми голодными глазами. Просто был здесь.

Я села на него. Не заводя. Просто села, взялась за руль, закрыла глаза.

Запах бензина, масла, старого железа. Он всегда возвращал меня в детство.

Отец.

Он стоял передо мной как живой — высокий, жилистый, с вечно масляными руками. В нашей старой мастерской, которую он оборудовал в сарае за домом. Там пахло так же — бензином, железом и немного табаком. Он курил редко, только когда работал. Зажмёт сигарету в зубах, прищурится от дыма и крутит гайки.

«Смотри, Женька. Гайку надо затягивать на два оборота, а не на полтора. Чуть не дотянешь — сорвётся на ходу. Перетянешь — сорвёшь резьбу. Всё должно быть ровно. В технике нет места "примерно"».

Мне было семь. Я сидела на перевёрнутом ящике и смотрела, как его большие руки управляют с железом. Он никогда не ругался, если я роняла ключ или путала отвёртки. Просто брал мою ладонь в свою и показывал, как надо.

«Доверяй только железу, дочь. Оно не предаст. Люди — могут. Железо — никогда. Если сломается — ты увидишь. Починишь. А люди... люди ломаются внутри, и ты не узнаешь, пока не станет поздно».

Я не понимала тогда, о чём он. Мне было семь. Я просто кивала и запоминала, как пахнут его руки.

Когда мне исполнилось десять, он ушёл на охоту и не вернулся.

Мать ждала год. Смотрела в окно, вздрагивала от каждого звука. А потом перестала ждать — и начала злиться. На него. На жизнь. На меня — за то, что я смотрела на неё его глазами.

«Весь в тебя, — говорила она, глядя на меня. — Такой же упёртый. Такой же... ненадёжный».

Я не спорила. Я просто запомнила урок.

Люди уходят. Техника остаётся.

Я открыла глаза. Гараж. «Хонда». Мои руки на руле — чёрные полосы от металла, хотя я ничего не делала. Просто держалась.

Встала. Подошла к верстаку. Инструменты лежали в ряд — маленькие слева, большие справа. Всё на своих местах. Как учил отец.

Я не стала ничего трогать. Просто посмотрела на них — и впервые за вечер почувствовала что-то похожее на покой.

Выключила лампу. Гараж погрузился в темноту, пахнущую маслом и старым железом.

Поднялась в студию. Не зажигая свет, прошла к кровати, залезла под одеяло. Шторы были задёрнуты, гор не видно. Только темнота и тишина.

Я закрыла глаза.

И увидела его.

Волк. Серый, огромный, с мощными плечами и тёмными глазами. Он стоял на склоне и смотрел на меня. Не нападал. Не рычал. Просто смотрел.

Я хотела отвернуться. Не смогла.

— Кто ты? — спросила я в пустоту.

Волк не ответил. Но в его взгляде было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не страх. Что-то другое. То, чему я не знала названия.

Я заснула с этим взглядом.

* * *

Я проснулась с чётким ощущением: хватит.

Хватит дрожать. Хватит оглядываться через плечо. Хватит видеть жёлтые глаза в каждой тени.

Солнце уже заливало студию — я проспала. Обычно вскакиваю в шесть, а тут стрелки показывали почти девять. Тело, видимо, взяло своё после вчерашнего. Я потянулась, чувствуя, как ноют мышцы — не от падения, от напряжения. Весь вчерашний день я была сжата в кулак.

Посмотрела на свои руки. Они не дрожали.

— Вот так, — сказала я вслух. — Уже лучше.

Быстрый душ, уже не кипятком — просто тёплая вода. Волосы собрала в пучок. Надела старые джинсы, флисовую кофту, рабочие ботинки. Сегодня я не собиралась сидеть на подоконнике и гипнотизировать горы. Сегодня я собиралась работать. Руками. С железом.

Кофе выпила стоя, глядя в стену. Не в окно.

Ключи. Гараж.

Внизу пахло так же, как вчера — бензином, маслом, старым железом. Но сегодня этот запах не успокаивал. Он звал к действию.

Я включила лампу над верстаком, вторую — под потолком. Пусть будет светло. Хватит прятаться в полутьме.

«Хонда» стояла ровно, ждала.

— Привет, девочка, — сказала я. — Давай-ка посмотрим, что у тебя там внутри.

Сбросила куртку на диван. Инструменты разложила в ряд — маленькие слева, большие справа. Шестигранники, отвёртки, плоскогубцы, баллончик со сжатым воздухом, WD-шка. Всё по порядку. Как учил отец.

Карбюратор — штука капризная. Если неправильно отрегулировать подачу топлива, «Хонда» начнёт чихать на холодную или глохнуть на светофорах. Последние дни она вела себя странно — на малых оборотах подтраивала. Значит, пора чистить.

Я откинула сиденье, открутила крепления бензобака. Аккуратно, чтобы не поцарапать краску. Сняла воздушный фильтр — сухой, чистый, я меняла его в прошлом месяце. Отлично.

Дальше — сам карбюратор. Винты закисло от времени. Пришлось побрызгать WD-шкой, подождать минуту, потом ещё раз. Я работала медленно, сосредоточенно, как хирург. Каждое движение выверено. Никакой спешки.

Это была моя медицина.

Когда руки заняты, голова молчит. Нет места для страха, для воспоминаний о жёлтых глазах и рыке. Только ты, железо и задача. Открутить, прочистить, проверить, закрутить обратно.

Я вытащила поплавковую камеру, осмотрела. Чисто. Жиклёры — тоже. Но я всё равно продула их сжатым воздухом. Лишним не будет.

Закрутила жиклёр на место, поставила поплавковую камеру, собрала карбюратор обратно. Винты затянула ровно на два оборота. Ни больше, ни меньше.

С бензобаком пришлось повозиться — внутри была какая-то взвесь, похожая на ржавчину. Слила остатки топлива в канистру, протёрла стенки тряпкой на длинной ручке, продула шланги. Залила свежий бензин.

— Ну давай, — сказала я, поворачивая ключ зажигания.

«Хонда» чихнула раз, другой. Потом мотор схватил, зарокотал ровно, уверенно. Я прислушалась. Никаких посторонних звуков. Ни стуков, ни чиханий, ни провалов в оборотах. Работала как часы.

Выключила зажигание. Тишина.

Я выдохнула, прислонилась спиной к стене, вытянула ноги. Руки пахли бензином и маслом. Посмотрела на пальцы — чёрные полосы на ладонях, грязь под ногтями. Отец возвращался из мастерской с такими же руками.

Потянулась за ветошью, чтобы вытереть пальцы.

И замерла.

На тряпке был бурый след.

Не масло. Масло оставляет чёрные, жирные разводы. Это было другое. Бурое, с ржавым оттенком, вьвшееся в ткань так, что не отстирать.

Кровь.

Я перевернула ветошь. Ещё пятна. Мелкие, почти незаметные, но я видела их — потому что привыкла замечать детали. В технике нет мелочей.

Откуда?

Я поднесла тряпку к лицу. Пахнет... ничем. Кровь старая, запёкшаяся. Не из гаража. Здесь я не поранилась.

Медленно, очень медленно я перевела взгляд на свою куртку, брошенную на диване. Оранжевую. Ту самую, в которой была на склоне.

Подошла. Взяла в руки.

На правом рукаве, ближе к плечу — тёмные капли. На спине — разводы, словно кто-то провёл мокрой кистью. Я не замечала их раньше. Вчера просто швырнула куртку в угол и забыла.

Кровь. Не моя.

Я стояла посреди гаража, сжимая куртку в руках, и перед глазами снова встала та картина. Волк врзается в медведя. Удар. Тело шатуна отлетает в сторону. Ключья шерсти летят в воздух. Рык. Хруст. И тишина.

Чья это кровь?

Медведя? Или...

Я тряхнула головой. Какая разница? Два хищника подрались. Один ранен или убит. Это природа. Это не моё дело.

Но руки сжимали куртку всё сильнее.

Он бросился на шатуна. Один. Огромный, опасный, но всё равно — один против зверя, который весит полтонны. Он мог погибнуть. Мог быть ранен. Мог истекать кровью где-то там, в лесу, пока я сидела под горячим душем и пила кофе.

— Да какое мне дело? — сказала я вслух.

Гараж молчал.

Я отбросила куртку, села на диван. Руки снова начали подрагивать — но не от страха. От чего-то другого. От злости? От беспомощности?

Я не знала этого волка. Он не был моим питомцем, другом, кем-то, за кого я должна переживать. Он — дикий зверь. Таких в горах десятки. Сегодня он спас меня, завтра загрызёт оленя, послезавтра попадёт под пулю егеря. Это его жизнь. Не моя.

Но я сидела и смотрела на бурые пятна на оранжевой ткани, и внутри что-то сжималось.

Я встала, подошла к мотоциклу. Села на него — не заводя. Взялась за руль. Закрыла глаза.

Скорость. Вот что мне нужно.

Не сейчас, не зимой, на обледенелом серпантине. Но скоро. Когда сойдёт снег, когда дороги просохнут. Я выведу «Хонду» из гаража, дам полный газ и полечу. Так, чтобы ветер выбил из головы все мысли. И жёлтые глаза. И бурые пятна. И этого серого волка, который не выходит у меня из головы.

Скорость не врёт.

Если ошиблась — упала. Если справилась — летишь. Всё просто. Всё честно. Не то что люди.

Отец врал, что вернётся. Мать врёт, что я ей не нужна. Туристы врут, что крепления сломались сами. Все врут.

А волк...

Волк не врал. Он просто появился. И спас. Без причин, без условий, без обещаний. Просто взял и спас.

Я открыла глаза. Посмотрела на свои руки — они перестали дрожать.

— Хватит, — сказала я «Хонде». — Хватит думать о нём. Он — зверь. Я — человек. У нас разные дороги.

«Хонда» молчала. Она всегда со мной соглашалась.

Я встала, убрала инструменты на место. Каждый в свою ячейку. Протёрла верстак чистой ветошью. Куртку, испачканную кровью, сунула в пакет — закину в стирку позже. Или выкину. Ещё не решила.

Перед тем как выключить свет, оглянулась. Гараж, мотоцикл, запах бензина — это был мой храм. Моё убежище. Место, где я могла быть собой, не притворяясь сильной.

— Завтра закончу, — сказала я в пустоту. Хотя заканчивать было нечего.

Выключила лампу. Гараж погрузился в темноту.

И тут я это почувствовала.

Взгляд.

Он упёрся мне в спину, между лопаток — тяжёлый, нечеловеческий. Я резко обернулась. Заснеженное окно гаража. Единственное, что отделяло меня от улицы. За ним — темнота. Ничего.

Я стояла, не дыша.

И вдруг увидела. Два жёлтых огонька. На уровне человеческого роста. Они вспыхнули на секунду и погасли.

Я моргнула. Ничего.

Нервы. Просто нервы. Дикie звери не заглядывают в окна гаражей. Им нет дела до людей. Им нет дела до меня.

Я вылетела из гаража, захлопнула дверь, заперла на ключ. Быстро, почти бегом, поднялась по лестнице в студию. Захлопнула дверь. Замок. Второй.

Прислонилась спиной к косяку. Сердце колотилось где-то в горле.

В студии было тихо. Шторы задёрнуты. Свет не включён.

Я стояла в темноте и слушала своё дыхание. И тишину за дверью.

Никто не скрёбся. Никто не рычал. Никто не пытался войти.

— Показалось, — прошептала я. — Просто показалось.

Но мурашки бежали по спине. И где-то глубоко внутри, там, куда я сама боялась заглядывать, я знала: не показалось.

Он приходил.

Волк.

ЖЕНЯ

Дом встретил меня тишиной.

Я прислонилась спиной к двери, заперла оба замка. Привычные звуки — щелчок, ещё щелчок — действовали лучше любого успокоительного. Здесь, в моей студии, медведь не мог меня достать. Здесь был мой мир. Узкий, тесный, но мой.

Доска грохнулась об пол. Ботинки я стянула пинками, не нагибаясь. Шлем, маска, перчатки — в кучу у порога. В ванную прошла босиком, не чувствуя холода.

Включила воду на полную мощность. Почти кипяток.

Под струями я стояла долго. Сначала просто зажмурилась, чувствуя, как тепло вливается в мышцы, выгоняет дрожь, которая въелась под кожу. Потом подняла руки — на предплечьях, на ладонях, на пальцах. Мелкие царапины. Ледяная крошка оставила следы. Вода смывала грязь и сукровицу, стекала в слив. Я смотрела, как кружатся прозрачные капли, и считала их. Раз. Два. Три. Ровно столько, сколько нужно, чтобы перестать дрожать.

Выключила воду. Вытерлась. Натянула старую футболку и мягкие штаны — ту самую домашнюю форму, в которой можно развалиться на кровати и не двигаться до вечера.

Руки всё ещё подрагивали.

— Соберись, — сказала я своему отражению.

В зеркале стояла растрёпанная, бледная девушка с серо-зелёными глазами и тёмными кругами под ними. Обычная я. Только чуть более взъерошенная.

Прошла на кухню, щёлкнула кофемашиной. Пока она пыхтела и шипела, достала кружку. Глиняную, с трещиной на ручке. В неё влезало две порции — именно столько мне было нужно сейчас.

Кофе полился чёрной, густой струёй. Я не стала ждать — сделала глоток и обожгла язык. Боль была настоящей. Не той, что мерещится от страха. Настоящая боль возвращает в тело. Это мне и было нужно.

С кружкой в руках я забралась на подоконник. Моё место. Отсюда горы как на ладони — тёмные, тяжёлые, в белых шапках. Я смотрела на них и пыталась разложить случившееся по полочкам.

Медведь. Шатун.

Я вспомнила его глаза. Жёлтые, голодные, нечеловеческие. Он не защищал территорию — он охотился. Целенаправленно. На меня.

Поставила кружку на подоконник.

А волк.

Образ серого зверя врезался в память чётко, как фотография. Возник из ниоткуда — огромный, стремительный, бесшумный. Врезался в медведя с такой силой, что того отбросило. Один против шатуна. И не просто атаковал — защищал. Меня.

Я выросла в этих горах. В двенадцать лет я видела волка вблизи — тощего, с поджатым хвостом, он удирал от нашей собаки. Вожаком там и не пахло. Волки не герои. Они выживают. И уж точно не бросаются на медведей ради людей.

Но этот бросился.

Взяла кружку, сделала глоток. Кофе остыл, стал горьким.

— Просто повезло, — сказала я вслух. — Два хищника не поделили территорию. Я оказалась между ними. Ничего личного.

Я повторяла это как заклинание. Если сказать достаточно много раз — можно поверить.

Но внутри что-то не соглашалось.

Я не могла это объяснить. Не могла найти слов. Просто чувство — глупое, иррациональное — что за мной наблюдают. Не тогда, на склоне. Сейчас. Здесь. В моей студии. Кто-то смотрел на меня из-за гор, и я чувствовала этот взгляд кожей.

— Хватит, — оборвала я себя. — Ты жива. Ты дома. Всё остальное не важно.

Допила кофе. Поставила кружку в раковину.

И поняла, что не могу сидеть на месте.

Стены давили. Окно с видом на горы, которое всегда успокаивало, теперь казалось глазами — кто-то смотрел на меня оттуда, из темноты, не мигая. Я задёрнула штору. Не помогло.

Ключи. Куртка. Ботинки.

Я не пошла к парадной. Спустилась по внутренней лестнице в гараж. Здесь, внизу, не было окон. Только бетонные стены, запах бензина и она.

«Хонда» стояла посередине, как чёрная пантера в засаде.

Я купила её пять лет назад за полцены — у мужика, который заездил мотор и бросил умирать в сарае. Привезла на буксире, два года восстанавливала. Перебрала двигатель, поменяла проводку, выкрасила в чёрный матовый. Теперь она была моей. Идеальной. Живой.

Я не стала включать верхний свет — зажгла только лампу над верстаком. Тусклую, на сорок ватт. С ней гараж становился не светлым, а просто менее тёмным. Мне так нравилось.

Подошла к мотоциклу. Провела рукой по бензобаку — металл был холодным, но под пальцами чувствовалось что-то родное. Мотоцикл не спрашивал, как прошёл день. Не лез с разговорами. Не смотрел жёлтыми голодными глазами. Просто был здесь.

Я села на него. Не заводя. Просто села, взялась за руль, закрыла глаза.

Запах бензина, масла, старого железа. Он всегда возвращал меня в детство.

Отец.

Он стоял передо мной как живой — высокий, жилистый, с вечно масляными руками. В нашей старой мастерской, которую он оборудовал в сарае за домом. Там пахло так же — бензином, железом и немного табаком. Он курил редко, только когда работал. Зажмёт сигарету в зубах, прищурится от дыма и крутит гайки.

«Смотри, Женька. Гайку надо затягивать на два оборота, а не на полтора. Чуть не дотянешь — сорвётся на ходу. Перетянешь — сорвёшь резьбу. Всё должно быть ровно. В технике нет места "примерно"».

Мне было семь. Я сидела на перевёрнутом ящике и смотрела, как его большие руки управляют с железом. Он никогда не ругался, если я роняла ключ или путала отвёртки. Просто брал мою ладонь в свою и показывал, как надо.

«Доверяй только железу, дочь. Оно не предаст. Люди — могут. Железо — никогда. Если сломается — ты увидишь. Починишь. А люди... люди ломаются внутри, и ты не узнаешь, пока не станет поздно».

Я не понимала тогда, о чём он. Мне было семь. Я просто кивала и запоминала, как пахнут его руки.

Когда мне исполнилось десять, он ушёл на охоту и не вернулся.

Мать ждала год. Смотрела в окно, вздрагивала от каждого звука. А потом перестала ждать — и начала злиться. На него. На жизнь. На меня — за то, что я смотрела на неё его глазами.

«Весь в тебя, — говорила она, глядя на меня. — Такой же упёртый. Такой же... ненадёжный».

Я не спорила. Я просто запомнила урок.

Люди уходят. Техника остаётся.

Я открыла глаза. Гараж. «Хонда». Мои руки на руле — чёрные полосы от металла, хотя я ничего не делала. Просто держалась.

Встала. Подошла к верстаку. Инструменты лежали в ряд — маленькие слева, большие справа. Всё на своих местах. Как учил отец.

Я не стала ничего трогать. Просто посмотрела на них — и впервые за вечер почувствовала что-то похожее на покой.

Выключила лампу. Гараж погрузился в темноту, пахнущую маслом и старым железом.

Поднялась в студию. Не зажигая свет, прошла к кровати, залезла под одеяло. Шторы были задёрнуты, гор не видно. Только темнота и тишина.

Я закрыла глаза.

И увидела его.

Волк. Серый, огромный, с мощными плечами и тёмными глазами. Он стоял на склоне и смотрел на меня. Не нападал. Не рычал. Просто смотрел.

Я хотела отвернуться. Не смогла.

— Кто ты? — спросила я в пустоту.

Волк не ответил. Но в его взгляде было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не страх. Что-то другое. То, чему я не знала названия.

Я заснула с этим взглядом.

* * *

Я проснулась с чётким ощущением: хватит.

Хватит дрожать. Хватит оглядываться через плечо. Хватит видеть жёлтые глаза в каждой тени.

Солнце уже заливало студию — я проспала. Обычно вскакиваю в шесть, а тут стрелки показывали почти девять. Тело, видимо, взяло своё после вчерашнего. Я потянулась, чувствуя, как ноют мышцы — не от падения, от напряжения. Весь вчерашний день я была сжата в кулак.

Посмотрела на свои руки. Они не дрожали.

— Вот так, — сказала я вслух. — Уже лучше.

Быстрый душ, уже не кипятком — просто тёплая вода. Волосы собрала в пучок. Надела старые джинсы, флисовую кофту, рабочие ботинки. Сегодня я не собиралась сидеть на подоконнике и гипнотизировать горы. Сегодня я собиралась работать. Руками. С железом.

Кофе выпила стоя, глядя в стену. Не в окно.

Ключи. Гараж.

Внизу пахло так же, как вчера — бензином, маслом, старым железом. Но сегодня этот запах не успокаивал. Он звал к действию.

Я включила лампу над верстаком, вторую — под потолком. Пусть будет светло. Хватит прятаться в полутьме.

«Хонда» стояла ровно, ждала.

— Привет, девочка, — сказала я. — Давай-ка посмотрим, что у тебя там внутри.

Сбросила куртку на диван. Инструменты разложила в ряд — маленькие слева, большие справа. Шестигранники, отвёртки, плоскогубцы, баллончик со сжатым воздухом, WD-шка. Всё по порядку. Как учил отец.

Карбюратор — штука капризная. Если неправильно отрегулировать подачу топлива, «Хонда» начнёт чихать на холодную или глохнуть на светофорах. Последние дни она вела себя странно — на малых оборотах подтраивала. Значит, пора чистить.

Я откинула сиденье, открутила крепления бензобака. Аккуратно, чтобы не поцарапать краску. Сняла воздушный фильтр — сухой, чистый, я меняла его в прошлом месяце. Отлично.

Дальше — сам карбюратор. Винты закисло от времени. Пришлось побрызгать WD-шкой, подождать минуту, потом ещё раз. Я работала медленно, сосредоточенно, как хирург. Каждое движение выверено. Никакой спешки.

Это была моя медицина.

Когда руки заняты, голова молчит. Нет места для страха, для воспоминаний о жёлтых глазах и рыке. Только ты, железо и задача. Открутить, прочистить, проверить, закрутить обратно.

Я вытащила поплавковую камеру, осмотрела. Чисто. Жиклёры — тоже. Но я всё равно продула их сжатым воздухом. Лишним не будет.

Закрутила жиклёр на место, поставила поплавковую камеру, собрала карбюратор обратно. Винты затянула ровно на два оборота. Ни больше, ни меньше.

С бензобаком пришлось повозиться — внутри была какая-то взвесь, похожая на ржавчину. Слила остатки топлива в канистру, протёрла стенки тряпкой на длинной ручке, продула шланги. Залила свежий бензин.

— Ну давай, — сказала я, поворачивая ключ зажигания.

«Хонда» чихнула раз, другой. Потом мотор схватил, зарокотал ровно, уверенно. Я прислушалась. Никаких посторонних звуков. Ни стуков, ни чиханий, ни провалов в оборотах. Работала как часы.

Выключила зажигание. Тишина.

Я выдохнула, прислонилась спиной к стене, вытянула ноги. Руки пахли бензином и маслом. Посмотрела на пальцы — чёрные полосы на ладонях, грязь под ногтями. Отец возвращался из мастерской с такими же руками.

Потянулась за ветошью, чтобы вытереть пальцы.

И замерла.

На тряпке был бурый след.

Не масло. Масло оставляет чёрные, жирные разводы. Это было другое. Бурое, с ржавым оттенком, вьвшееся в ткань так, что не отстирать.

Кровь.

Я перевернула ветошь. Ещё пятна. Мелкие, почти незаметные, но я видела их — потому что привыкла замечать детали. В технике нет мелочей.

Откуда?

Я поднесла тряпку к лицу. Пахнет... ничем. Кровь старая, запёкшаяся. Не из гаража. Здесь я не поранилась.

Медленно, очень медленно я перевела взгляд на свою куртку, брошенную на диване. Оранжевую. Ту самую, в которой была на склоне.

Подошла. Взяла в руки.

На правом рукаве, ближе к плечу — тёмные капли. На спине — разводы, словно кто-то провёл мокрой кистью. Я не замечала их раньше. Вчера просто швырнула куртку в угол и забыла.

Кровь. Не моя.

Я стояла посреди гаража, сжимая куртку в руках, и перед глазами снова встала та картина. Волк врзается в медведя. Удар. Тело шатуна отлетает в сторону. Ключья шерсти летят в воздух. Рык. Хруст. И тишина.

Чья это кровь?

Медведя? Или...

Я тряхнула головой. Какая разница? Два хищника подрались. Один ранен или убит. Это природа. Это не моё дело.

Но руки сжимали куртку всё сильнее.

Он бросился на шатуна. Один. Огромный, опасный, но всё равно — один против зверя, который весит полтонны. Он мог погибнуть. Мог быть ранен. Мог истекать кровью где-то там, в лесу, пока я сидела под горячим душем и пила кофе.

— Да какое мне дело? — сказала я вслух.

Гараж молчал.

Я отбросила куртку, села на диван. Руки снова начали подрагивать — но не от страха. От чего-то другого. От злости? От беспомощности?

Я не знала этого волка. Он не был моим питомцем, другом, кем-то, за кого я должна переживать. Он — дикий зверь. Таких в горах десятки. Сегодня он спас меня, завтра загрызёт оленя, послезавтра попадёт под пулю егеря. Это его жизнь. Не моя.

Но я сидела и смотрела на бурые пятна на оранжевой ткани, и внутри что-то сжималось.

Я встала, подошла к мотоциклу. Села на него — не заводя. Взялась за руль. Закрыла глаза.

Скорость. Вот что мне нужно.

Не сейчас, не зимой, на обледенелом серпантине. Но скоро. Когда сойдёт снег, когда дороги просохнут. Я выведу «Хонду» из гаража, дам полный газ и полечу. Так, чтобы ветер выбил из головы все мысли. И жёлтые глаза. И бурые пятна. И этого серого волка, который не выходит у меня из головы.

Скорость не врёт.

Если ошиблась — упала. Если справилась — летишь. Всё просто. Всё честно. Не то что люди.

Отец врал, что вернётся. Мать врёт, что я ей не нужна. Туристы врут, что крепления сломались сами. Все врут.

А волк...

Волк не врал. Он просто появился. И спас. Без причин, без условий, без обещаний. Просто взял и спас.

Я открыла глаза. Посмотрела на свои руки — они перестали дрожать.

— Хватит, — сказала я «Хонде». — Хватит думать о нём. Он — зверь. Я — человек. У нас разные дороги.

«Хонда» молчала. Она всегда со мной соглашалась.

Я встала, убрала инструменты на место. Каждый в свою ячейку. Протёрла верстак чистой ветошью. Куртку, испачканную кровью, сунула в пакет — закину в стирку позже. Или выкину. Ещё не решила.

Перед тем как выключить свет, оглянулась. Гараж, мотоцикл, запах бензина — это был мой храм. Моё убежище. Место, где я могла быть собой, не притворяясь сильной.

— Завтра закончу, — сказала я в пустоту. Хотя заканчивать было нечего.

Выключила лампу. Гараж погрузился в темноту.

И тут я это почувствовала.

Взгляд.

Он упёрся мне в спину, между лопаток — тяжёлый, нечеловеческий. Я резко обернулась. Заснеженное окно гаража. Единственное, что отделяло меня от улицы. За ним — темнота. Ничего.

Я стояла, не дыша.

И вдруг увидела. Два жёлтых огонька. На уровне человеческого роста. Они вспыхнули на секунду и погасли.

Я моргнула. Ничего.

Нервы. Просто нервы. Дикie звери не заглядывают в окна гаражей. Им нет дела до людей. Им нет дела до меня.

Я вылетела из гаража, захлопнула дверь, заперла на ключ. Быстро, почти бегом, поднялась по лестнице в студию. Захлопнула дверь. Замок. Второй.

Прислонилась спиной к косяку. Сердце колотилось где-то в горле.

В студии было тихо. Шторы задёрнуты. Свет не включён.

Я стояла в темноте и слушала своё дыхание. И тишину за дверью.

Никто не скрёбся. Никто не рычал. Никто не пытался войти.

— Показалось, — прошептала я. — Просто показалось.

Но мурашки бежали по спине. И где-то глубоко внутри, там, куда я сама боялась заглядывать, я знала: не показалось.

Он приходил.

Волк.

Глава.3

У ПОДНОЖЬЯ

Выходные у меня — редкая роскошь.

Когда работаешь в туристическом городке, сезон не спрашивает, хочешь ли ты отдохнуть. Зимой — лыжи, сноуборды, бесконечные туристы, которые теряют перчатки и ломают крепления. Летом — велосипеды, походное снаряжение, сплавы. Магазин работает без выходных. И я вместе с ним.

Но сегодня было воскресенье. И сегодня мне всё равно надо было на работу.

Будильник зазвенел в полседьмого. Я не дала себе ни одной лишней минуты — села, спустила ноги на пол. Холодная доска под босыми ступнями окончательно прогнала сон.

Душ. Зубы. Волосы в хвост.

Кофе — глоток, обжигающе-горький. Закрутила крышку термокружки — сегодня не до церемоний. Завтрак — творог из холодильника, три ложки, прямо из банки.

Натянула джинсы, тёплый свитер — серый, мягкий, с высоким воротом. Кеды — чёрные, разношенные, в которых нога не мёрзнет, даже когда целый день на ногах.

Ключи, телефон, рюкзак. Проверила замок — дважды. Всё.

Улица встретила меня морозным воздухом и ярким солнцем. Март в этом году выдался снежным, но светлым — небо голубое, снег искрится, горы на горизонте как на ладони. Туристы уже тащились к подъёмникам с лыжами наперевес, пахло кофе из ближайшей пекарни и хвоей.

Я шла быстрым шагом, обгоняя сонных отдыхающих. До «У подножия» — пять минут от дома. Я знала каждый выступ на тротуаре, каждую трещину в асфальте.

«У подножия» — крошечное помещение на центральной улице, между сувенирной лавкой и кафе «Уют». Снаружи — неброская вывеска с потрескавшейся краской. Внутри — стеллажи со снаряжением, стойка с кассой, примерочная с кривым зеркалом и подсобка, где дядька Витя хранит свой чай и старые журналы.

Я отперла дверь, отключила сигнализацию. Внутри пахло резиной, пластиком и чем-то ещё, что я не могла определить — наверное, самим магазином. Домашним.

Свет включился не сразу — лампы старые, греют полминуты. Я прошла к стойке, поставила рюкзак под прилавок. Включила кассу — она зажужжала, замигала дисплеем. Проверила ленту: хватит на сегодня.

В подсобке заварила кофе для дяди Вити. Он придёт позже, а без кофе с утра превращается в брызжащего медведя. Две ложки, кипяток, крышка. Оставила на столе.

Стерилизатор для масок и шлемов включила ещё до открытия. Туристы не замечают, но я знаю: чистота — это уважение. К ним. К себе. К работе.

К восьми утра дверь открылась.

Первый час пролетел как одна минута.

Улыбка. Консультация. Примерка. Оплата. Следующий. Я не замечала, как меняются лица перед прилавком.

— Доброе утро! Сноуборд? Какой рост? Какой уровень катания?

— Лыжи? Горные или беговые? Крепления настроим.

— Перчатки вон там, маски — справа от входа.

Парень лет двадцати с сомнением вертел в руках шлем.

— А если я упаду? Он точно выдержит?

— Шлем выдержит, — сказала я. — Голова — вопрос открытый. Но с вашим ростом падать будет невысоко.

Он обиженно засопел, но шлем взял.

Дядька Витя вплыл к обеду.

По утрам он ездил на лыжах — говорил, что в шестьдесят лет это единственное, что держит его сердце в тонусе. Поэтому открывала я, а он появлялся позже — румяный, довольный и с пакетом булочек из пекарни.

— Женька! — рявкнул он с порога, хотя я стояла в двух метрах. — Держи, гостинец. Свежие, только из печи.

Я поймала пакет, заглянула внутрь. Булочки с корицей. Мои любимые.

— Спасибо, дядя Витя.

Он скинул пуховик, повесил на вешалку, прошлёпал в подсобку. Через минуту я услышала довольное мычание — нашёл кофе.

Высунулся из-за угла:

— Женька, ты как робот. Всё горит, а ты успеваешь.

— Кто-то же должен, дядя Витя, — ответила я, не оборачиваясь.

Я и правда любила эту работу. Не за зарплату — хотя она была неплохой для маленького городка. А за то, что здесь я была нужна. Каждый день. Каждому туристу. Даже если они бесили, даже если ломали снаряжение, даже если спорили до хрипоты.

Без меня «У подножия» развалился бы за неделю.

Я не хвасталась этим. Просто знала.

К обеду наплыв спал. Туристы ушли на склоны, магазин опустел. Я выдохнула, прислонилась к стойке, потянулась — спина гудела, ноги ныли.

Дядька Витя вышел из подсобки с кружкой в руках.

— Присядь, — кивнул он на табурет за кассой. — Глаза как у совы. Не спала?

— Спала, — соврала я.

Он не поверил, но спорить не стал.

— Мужик бы тебе не помешал, — сказал он в пространство. — Нормальный, чтобы в гараже помогал, а не нервы трепал.

— Дядя Витя, — я вздохнула. — Мне никто не нужен. У меня мотоцикл есть.

Он хмыкнул, покачал головой.

— Мотоцикл — это хорошо. Но он тебя ночью не обнимет.

— Зато не спросит, почему я пришла в плохом настроении, — отрезала я.

Витя только махнул рукой и ушёл обратно в подсобку.

Я осталась одна. Смотрела в окно, на улицу, где туристы тащили лыжи к подъёмникам. Обычный день. Обычная жизнь. Моя жизнь.

Я почти поверила, что всё хорошо.

Но где-то на задворках сознания всё ещё жил образ серого волка. Его глаза. Его клыки. То, как он смотрел на меня — не на медведя, на меня.

Я мотнула головой, отгоняя мысли.

И вернулась к кассе.

* * *

К двум часам дня я уже забыла, что такое тишина.

Магазин заполнился под завязку. Туристы — толпами, с рюкзаками, с детьми, с вечными вопросами «а что лучше?», «а можно дешевле?», «а если я сломаю, вы вернёте деньги?». Я жонглировала креплениями, лыжными палками, масками и шлемами, успевая одновременно отвечать на звонки и подмигивать заплаканному ребёнку, который потерял варёжку.

Дядька Витя, как всегда, пропал в подсобке — то ли чай пил, то ли журналы листал. Я не злилась. Он старый, устаёт быстро. А я — нет. Вернее, устаю, но не показываю.

В какой-то момент дверь открылась с грохотом.

Я подняла голову от кассы.

Мужчина. Лет сорока пяти. Дорогая куртка — горнолыжный бренд, который стоит как моя «Хонда». Штаны из мембраны, ботинки — последняя модель. Волосы дорогие, укладка дорогая, выражение лица — ещё дороже.

В руках он держал сноуборд.

И судя по тому, как он швырнул его на прилавок, настроение у него было не просто плохое. Адское.

— Крепления сломались на ровном месте! — рявкнул он, не поздоровавшись.

Я перевела взгляд с его красного лица на доску.

Старый «Salomon», прошлогодняя модель. Крепления — «Burton», чёрные. Одно из них болталось — пластиковая защёлка треснута, ремешок порван. Кант погнут, на скользяке глубокие царапины — явно от камней.

— Я требую возврат! — он стукнул ладонью по прилавку, заставив подпрыгнуть степлер. — Это брак! Ваше барахло развалилось на второй день!

Я молча взяла доску в руки. Осмотрела внимательно, поворачивая то одной стороной, то другой. Провела пальцем по погнутому канту — острый, но видно, что его било о камни. Царапины не свежие — в них набилась грязь.

— На ровном месте, говорите? — спросила я спокойно.

Мужчина моргнул. Не ожидал, что я не испугаюсь.

— По камням вы на ровном месте ехали? — я подняла на него глаза. Серо-зелёные, с тёмным ободком. Спокойные.

Он замер на секунду, потом лицо его налилось багровым.

— Ты кто такая, чтобы мне хамить?! — заорал он так, что в магазине стало тихо. Туристы, которые примеряли маски у соседнего стеллажа, замерли с открытыми ртами.

Я не вздрогнула. Не повысила голос.

— Я та, кто сейчас попросит вас покинуть магазин, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Или вы сами, или я вызову охрану. И полицию заодно. Пусть они оценят состояние доски и решат, был ли здесь брак или грубое нарушение правил проката.

Мужчина открыл рот, закрыл. Посмотрел на доску, которую я всё ещё держала в руках. На моё невозмутимое лицо. На туристов, которые уже откровенно глазели.

— Вы ещё пожалеете! — рявкнул он, хватая доску с прилавка.

— До свидания, — ответила я. — Хорошего дня.

Он вылетел за дверь так же громко, как влетел. Стекло в витрине жалобно звякнуло.

Я положила руки на прилавок, выдохнула.

Туристы у стеллажа переглянулись. Одна женщина, мать двоих подростков, улыбнулась мне и тихо сказала: «Круто вы его». Я пожала плечами и вернулась к работе.

Через минуту из подсобки высунулся дядька Витя.

— Женя, — сказал он, качая головой. — Ты зверь. Но клиентов распугаешь.

— Дядя Витя, — я даже не обернулась. — Это не клиент. Это хам. Хамы денег не приносят.

Он хмыкнул, покачал головой и скрылся обратно.

Я взяла следующую маску для проверки, поправила ремешок, проверила застёжку. Пальцы не дрожали. Голос не дрогнул. Всё как надо.

Но внутри всё ещё колотилось.

Адреналин. Медведь. Волк. Теперь этот.

Я выдохнула. Взяла следующую маску. Ремешок. Застёжка. Порядок. Всё, что я могла контролировать — здесь. Остальное — пусть катится к чёрту.

* * *

После скандала с дорогим хамом магазин словно выдохнул. Туристы, которые жались к стеллажам, начали расходиться. Кто-то — потому что испугался, кто-то — потому что решил, что здесь «хамят клиентам». Ну и пусть. Придут другие.

Я протирала стойку, когда заметила их.

Двое парней. Лет по двадцать, не больше. Студенты — видно по рюкзакам, по растерянным лицам, по тому, как они мнутя у стеллажа с лыжами, не решаясь подойти.

Один — высокий, светловолосый, в синей куртке. Второй — пониже, с рыжими кудрями, торчащими из-под вязаной шапки. Они переглядывались, перешёптывались, трогали крепления и тут же отдёргивали руки, будто боялись что-то сломать.

Я наблюдала за ними минуту. А потом поняла: если не подойду, они простоят тут до закрытия. Отложила тряпку и пошла сама.

— Первый раз? — спросила я, подходя.

Рыжий вздрогнул. Светловолосый покраснел до ушей.

— Ага... — протянул он, пряча глаза. — Мы ничего не понимаем. Вообще.

— Совсем ничего? — уточнила я.

— Вообще, — подтвердил рыжий. — Мы с юга. У нас гор нет. И снега... тоже нет.

Я улыбнулась. По-настоящему. Кажется, впервые за день.

— Ладно, — сказала я. — Разбираемся.

Я сняла со стеллажа пару лыж — самые простые, для новичков, с мягкими креплениями. Поставила их перед парнями на пол.

— Смотрите. Это — лыжи. Это — крепления. Это — палки. А это — ботинки. Всё остальное — опционально.

Парни переглянулись, но уже не так растерянно.

Я подобрала им снаряжение за пять минут. Рыжему — лыжи на пару сантиметров короче, светловолосому — чуть длиннее. Объяснила, как регулировать крепления под их вес, чтобы при падении нога не вылетела — и чтобы не вывихнуть колено.

— Мазь? — спросил рыжий, глядя на баночки у кассы.

— Вам пока рано, — ответила я. — Сначала научитесь стоять на лыжах, потом — скользить, потом — тормозить. А мазь — это для тех, кто уже знает, зачем она. Через пару сезонов придёте — расскажу.

Потом я показала, как правильно падать.

— На бок, — сказала я, опускаясь на коврик у стойки. — Группируетесь, руки не выставляете. Лыжи — вверх тормашками? Ничего страшного. Отстегнулись, поднялись, поехали дальше.

Рыжий слушал открыв рот. Светловолосый кивал так усердно, что я испугалась — голова отвалится.

— Запомнили? — спросила я.

— Да! — хором ответили они.

Я выдала им снаряжение — лыжи, палки, ботинки, шлемы. Рыжий попытался уйти в ботинках нараспашку — я остановила его, показала, как застёгивать клипсы.

— Если нога затекла, расстегните, посидите, потом застегните снова. Но кататься в расстёгнутых ботинках нельзя. Сломаете ногу.

Они кивали, улыбались, благодарили.

— Спасибо вам огромное! — светловолосый чуть ли не в ноги кланялся. — Вы — настоящий профи!

— Скажете тоже, — я махнула рукой. — Просто делаю свою работу.

Они ушли, счастливые, толкая друг друга локтями. У порога рыжий обернулся и крикнул: «Мы к вам ещё придём!»

Я помахала им в ответ.

Дядька Витя высунулся из подсобки, как только дверь закрылась.

— Жень, — сказал он, качая головой. — Вот за это тебя и держу. Ангел и демон в одном флаконе.

— Ой, — отмахнулась я. — Просто ребята хорошие. Не то что тот...

— Знаю, — Витя кивнул. — Потому и говорю. Злая ты, когда надо. Добрая, когда надо. Редкое качество.

Я отвернулась к кассе, сделала вид, что проверяю чеки.

Внутри было тепло. И плевать на хама. На медведя. На волка. Сейчас — плевать.

Глава.4

ЗАПАХ ЛЕСА

К восьми вечера магазин опустел.

Последние туристы ушли ещё час назад — уставшие, но довольные, с мокрыми штанами и счастливыми лицами. Я перемыла полы, протёрла стойку, разложила снаряжение по местам. Вернула на вешалки куртки, которые кто-то бросил в примерочной. Пересчитала кассу — всё сходится, спасибо и на том.

Дядька Витя ушёл раньше. Сказал, что спина болит, что он старый, что мне пора бы уже найти кого-то, кто будет закрывать магазин вместо меня. Я не ответила. Просто махнула рукой.

Пусть идёт. Мне не впервой.

Я проверила замки на окнах, выключила лампы в подсобке, оставила только дежурный свет у кассы. Взяла метлу, подмела у порога — туристы принесли снега на ботинках, лужа растаяла. Всё, как всегда.

Телефон зазвонил, когда я уже стягивала резиновые перчатки.

Мать.

Я посмотрела на экран. Светлана. Шесть пропущенных за сегодня. Я не брала трубку утром — была толпа, не до разговоров. В обед не взяла — потому что не хотела. А сейчас...

Я вздохнула и нажала «принять».

— Женя! — голос матери ворвался в тишину магазина громкий, требовательный. — Ты чего не берёшь трубку?! Я уже волноваться начала!

— Работала, мам, — я прислонилась к стойке, закрыла глаза. — Поток большой, некогда было.

— А вечером? — не унималась мама. — Вечером тоже некогда? Или опять в своём гараже пропадала?

Я промолчала. Не хотелось объяснять, что в гараже я была не для удовольствия, а чтобы не сойти с ума. Что в гараже я чинила мотоцикл, потому что руки должны быть заняты, иначе голова начинает думать. О медведе. О волке. О том, что меня чуть не разорвали на части.

Мать не поймёт. Она никогда не понимала.

— Женя, — голос мамы стал мягче, но от этого не легче. — Ну, когда ты уже остепенишься? Девки в твоём возрасте замужем, детей рожают. А ты? На своей доске, на своём мотоцикле... Кому ты нужна такая? Дикая. Ни мужика, ни семьи. Одни железки на уме.

Я молчала. Сжимала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

Она говорила это не в первый раз. Одно и то же. Как пластинку, которую заело. «Остепенись», «замуж», «дети», «кто ты такая». Словно в двадцать пять лет жизнь заканчивается. Словно если у тебя нет мужа и ребёнка — ты никто.

Я не хотела спорить. Не хотела объяснять, что мне не нужен муж, который будет указывать, что делать. Не хотела говорить, что мотоцикл и доска — это не «железки», это моя свобода. Не хотела кричать, что я не дикая. Я просто другая. И это не преступление.

Но сил не было.

— Мам, — сказала я тихо. — Я устала. Давай потом.

— Вечно потом! — голос матери сорвался. — Ты отца напоминаешь — тоже вечно «потом» было, а потом взял и исчез! И ты туда же! Не звонишь, не приходишь, только «потом» и «потом»!

Я замерла.

Отец. Она опять про отца.

Я знала эту боль. Она ворочала её каждый раз, когда я не оправдывала ожиданий. Ты — как он. Ты — такая же. Ты бросишь меня, как бросил он.

Но я не он.

Я никуда не уходила. Я жила в трёх кварталах от неё. Я работала, платила за свою студию, чинила мотоцикл, каталась на доске. Я не исчезала по ночам, не пила, не била посуду. Я просто жила по-своему.

Почему этого недостаточно?

Я не нашла слов. И не стала искать.

— Мам, — сказала я. — Мне пора. Магазин закрывать.

И сбросила звонок.

Тишина в магазине стала оглушающей.

Я стояла у стойки, сжимая телефон в руке. Смотрела в окно, на улицу. Там было темно. Фонари горели тускло, жёлтым светом выхватывая кусочки тротуара и редких прохожих. А за крышами домов — горы. Чёрные, тяжёлые, молчаливые.

Я почувствовала, как защипало глаза.

— Нет, — сказала я себе громко. — Нет, тряпка. Не сейчас.

Вытерла глаза рукавом свитера. Злилась на себя. За то, что повелась. За то, что позволила матери забраться под кожу. За то, что плачу, как девчонка, хотя мне двадцать пять, и я должна быть сильнее.

Почему этого недостаточно?

Телефон молчал. Я сунула его в карман.

Взяла ключи с крючка у кассы. Проверила, выключила ли свет. Заперла дверь. Сигнализацию не стала ставить — в «У подножия» всё равно ничего ценного, кроме снаряжения, которое туристам и даром не надо.

На улице было холодно.

Я стояла на пороге, глядя на тёмные окна своей студии. Магазин остался за спиной. Дом — впереди.

А между ними — я. Одна. Со своими мыслями. С маминым голосом в голове. С волком, который не выходил из памяти.

Я глубоко вздохнула и пошла домой.

* * *

Я вышла из магазина, и холод ударил в лицо.

Мартовский вечер в горах — это не то, что показывают в открытках. Никаких розовых закатов и уютных сумерек. Темнота наваливается сразу, как только солнце прячется за хребет. Воздух становится плотным, колючим, пахнет снегом и приближающейся ночью.

Я натянула капюшон, застегнула куртку до самого горла. Усталость тянула плечи к земле, но внутри — странное, почти болезненное удовлетворение. День прожит. Магазин в порядке. Туристы — кто доволен, кто нет, но это не мои проблемы. Я сделала всё, что могла.

Даже больше.

Я шла по центральной улице, обходя лужи и наледи. Фонари горели тускло, жёлтые, сонные. Городок затихал — туристы расходились по гостиницам и гостевым домам, местные сидели по домам. Только редкие машины проезжали мимо, разбрызгивая слякоть.

Мои мысли блуждали где-то далеко.

Мать. Её голос в трубке. «Ты отца напоминаешь». Я сжала зубы, отгоняя этот разговор. Не сейчас. Дома, в тишине, я позволю себе подумать об этом. А сейчас — просто идти. Дышать. Не сломаться.

Я свернула с главной улицы в переулок.

Здесь было темнее. Старые двухэтажные дома, вросшие в землю, редкие окна с задернутыми шторами. Фонарей почти нет — только один, в самом конце, мигал через раз, как нерв-

ный тик. Я знала этот переулок с детства. Сокращала путь, когда хотела быстрее оказаться дома. Десятки раз. Сотни.

Но сегодня он казался другим.

Я не услышала ничего. Не увидела. Просто — край глаза уловил движение. Сбоку, между домами, где тьма сгущалась до черноты.

Я резко обернулась.

Никого.

Только стена. Только мусорный бак у подъезда. Только снег, серый, грязный, лежащий неровными пластами.

Но запах.

Я замерла, втянула носом воздух. Лес. Хвоя. Что-то дикое — то, чего не может быть в центре городка, где пахнет выхлопными газами, мокрым асфальтом и жареной картошкой из соседнего кафе.

Я знала этот запах.

Я чувствовала его тогда, на склоне. За секунду до того, как волк вылетел из леса.

Сердце пропустило удар, потом заколотилось чаще, глуше, тяжелее. Я снова посмотрела в темноту переулка. Вгляделась. Ничего. Только тени от мигающего фонаря пляшут на стенах.

— Есть кто? — спросила я. Голос прозвучал хрипло, чужим.

Тишина.

Я ждала. Пять секунд. Десять. Ни звука.

«Показалось», — сказала я себе. — «Просто показалось. Нервы ни к чёрту. Мать достала, волк этот, медведь... Вот и мерещится».

Но ноги уже несли меня быстрее.

Я ускорила шаг, почти перешла на бег. За спиной — тишина. Ни шагов, ни дыхания. Только ветер гуляет между домами, гоняя позёмку.

Я не оборачивалась. Не могла заставить себя.

Дверь в подъезд поддалась с третьего раза — ключ скользил, пальцы дрожали. Я влетела внутрь, захлопнула за собой дверь, прижалась спиной к холодной стене.

Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось.

— Тряпка, — прошептала я. — Просто тряпка.

Поднялась на второй этаж, отперла дверь в студию. Два замка. Задвижку. Проверила — закрыто.

Прислонилась лбом к косяку.

Тишина. Моя тишина. Без запаха леса, без теней в переулках.

Я заставила себя раздеться. Куртка — на крючок. Кеды — в угол. Ключи — на тумбочку. Прошла на кухню, включила чайник. Пока грелся, стояла у окна, смотрела на улицу.

Пусто.

Фонари мигают. Снег падает — мелкий, колючий. Ни души.

«Показалось», — повторила я. — «Просто показалось».

Чайник щёлкнул, выключаясь. Я заварила ромашку — мать говорила, что это успокаивает. Мать много чего говорила. Не всё правда.

С кружкой в руках я забралась на подоконник — моё место. Горы в темноте почти не видны, только чёрные силуэты на фоне серого неба. Я смотрела на них и думала.

Это не нервы. Я не из тех, у кого шалют нервы. Я видела медведя в тридцати метрах, и у меня не дрогнула рука. Я отшивала хама с дорогой курткой, и голос не сорвался. Я справляюсь. Всегда справляюсь.

Но сейчас...

Я чувствовала это. Не видела. Не слышала. Чувствовала кожей, затылком, тем местом между лопаток, которое холодеет, когда на тебя смотрят.

На меня смотрели.

Не тогда, на склоне. Сейчас. Здесь. В переулке.

Я сделала глоток. Чай обжёг горло, но я не почувствовала.

Волк.

Я не знала, почему думаю о нём. Не знала, почему уверена, что это он. Просто знала. Как знала, что снег белый, а небо чёрное.

Он следил за мной.

Он был там.

Я поставила кружку на подоконник, обхватила колени руками. В голове метались мысли, как вспугнутые птицы.

«Зачем? Почему? Что ему нужно?»

Я вспомнила его глаза. Я не видела их — но чувствовала, что они смотрели на меня. Не на медведя. На меня. В них не было злобы. Не было страха. Было что-то другое — то, чему я не могла найти названия.

Глупость. Безумие.

Волк не может следить за человеком. Волк не может ждать в переулке. Волк — это зверь, у которого есть свои дела, своя стая, свой лес.

Но этот волк был другим.

Я закрыла глаза. В темноте под веками снова вспыхнул образ — серый, огромный, стремительный. Он врывается в медведя, отбрасывает его в сторону. Он не рычит. Он молчит. Он спасает меня.

И теперь он здесь.

Я открыла глаза, посмотрела в окно. Улица пуста. Фонарь мигает. Снег падает.

Никого.

Но я знала. Я чувствовала его присутствие так же отчётливо, как чувствовала холод стекла под пальцами.

Он где-то там. В темноте. Смотрит.

Я не знала, почему это не пугает меня до колик. Должно было бы. Нормальная девушка вызвала бы полицию, заперлась бы в ванной, написала бы подружкам в чат. Но я не нормальная. Я — та, кто выросла в этих горах. Та, кто не боится скорости и темноты. Та, кто чинит мотоцикл своими руками и спит одна в студии над гаражом.

Я не боюсь волка.

Мне страшно другое — что я хочу, чтобы он вернулся.

Я тряхнула головой, отгоняя эту мысль.

— Хватит, — сказала я себе громко. — Хватит придумывать. Волк — это волк. Он спас меня случайно. И теперь его нет. Всё.

Я допила чай, поставила кружку в раковину. Прошла по комнате, проверяя окна — все закрыты. Шторы задернуты. Дверь заперта.

Ложись спать. Завтра новый день. Новые туристы. Новые проблемы.

Я забралась под одеяло, выключила свет.

В темноте запах леса показался снова.

Я закрыла глаза и долго не могла уснуть, прислушиваясь к тишине. Она не была пустой. В ней кто-то был.

Я знала это.

И, кажется, перестала бояться...

Глава.5

ЗЕМЛЯ УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ

Три дня прошло. Три дня, как я перестала себе врать.

Я всё ещё убегала от мыслей о волке — по утрам на склон, по вечерам в гараж. Я всё ещё твердила себе, что тень в переулке мне почудилась, а запах леса принесло ветром с гор. Я почти поверила. Почти успокоилась.

Почти.

Сегодня был обычный день. Туристы, лыжи, крепления, вечные «а что лучше?». Дядька Витя где-то пропадал — то ли в подсобке, то ли в магазине, напротив. Я работала как автомат: улыбка, консультация, чек, следующий. Всё, как всегда. Всё под контролем.

Я как раз раскладывала перчатки на витрине, когда дверь открылась.

В магазин ворвался холодный воздух — резкий, обжигающий. Но не это заставило меня замереть. Запах. Лес. Хвоя. Дым. Что-то дикое, первобытное, от чего волосы на затылке встают дыбом, а внутри всё сжимается в тугий узел.

Я знала этот запах.

Я подняла голову.

И забыла, как дышать.

На пороге стоял мужчина.

Высокий. Очень высокий — под два метра, наверное. Широкоплечий, мощный, он заполнил собой весь дверной проём, будто магазин стал вдруг тесным, маленьким, нелепым. Тёмная парка с меховым капюшоном — дорогая, но ношенная, не с иголки. Ботинки грубые, в снегу.

Но не это приковало моё внимание.

Лицо. Грубое, волевое, выточенное ветрами и морозами. Мощные скулы — такие, что хочется провести пальцем по их излому. Тяжёлая челюсть, чуть тронутая тёмной бородой. Не щетина — нет. Короткая, густая, гладкая, она подчёркивала силу его лица, делала его почти звериным.

Брови чуть сдвинуты — не хмурится, просто смотрит. Смотрит так, будто видит меня насквозь. Будто знает что-то, чего я сама о себе не знаю.

А глаза.

Ярко-голубые. Почти синие. Такого цвета не бывает у людей — слишком светлые, слишком холодные, с тёмным ободком вокруг радужки, который делал их глубокими, как горное озеро. Они смотрели прямо на меня. Не моргали. Не отпускали.

В них не было обычной человеческой вежливости. Не было «я пришёл за снаряжением, обслужите меня». В них было что-то другое — тяжёлое, голодное, древнее. То, от чего кровь приливает к щекам, а внизу живота разливается странное, пугающее тепло.

Я не могла отвести взгляд. И не хотела.

Мужчина стоял на пороге, не двигаясь, не торопясь. Он смотрел на меня, и воздух между нами стал плотным, как перед грозой. Я чувствовала его — не разумом, не глазами. Кожей. Позвоночником. Тем местом между лопаток, которое холодеет, когда на тебя смотрят хищники.

Я опустила взгляд ниже — и сердце пропустило удар.

Его руки.

Они свисали вдоль туши — большие, мощные, с выпуклыми венами, которые вились под смуглой кожей, как корни старых деревьев. Крупные пальцы, широкие ладони — руки, которые умели держать. Сжимать. Защищать. Наверное, и убивать тоже.

На запястье — старые поцарапанные часы. Кожаный ремешок потёрт до блеска. И шрамы. Мелькнули на секунду, когда он пошевелился — бледные полосы на смуглой коже. Следы битв. Следы жизни, которая не знала пощады.

Моё тело отреагировало раньше, чем мозг успел обработать информацию.

Пульс взлетел. Ладони вспотели. В груди разлилось что-то тяжёлое, горячее — не страх, нет. Что-то другое. То, от чего пересыхает во рту и хочется сжать кулаки, чтобы унять дрожь.

Я стояла за прилавком с перчаткой в руке, как дура, и смотрела на него. На этого мужчину, который ворвался в мою обычную жизнь вместе с холодным ветром и запахом леса.

— Добрый день, — сказал он.

Голос. Низкий. Грудной. С хрипотцой, которая царапала что-то внутри, заставляла кожу покрываться мурашками. Он звучал так, будто его обладатель привык, чтобы его слушали. Не просил — требовал. Не предлагал — брал.

— Мне нужно снаряжение, — продолжил он, не отводя взгляда. — Для базы в горах.

Он не улыбался. Не пытался понравиться. Просто стоял и смотрел. И этого было достаточно, чтобы я забыла, как меня зовут.

Я открыла рот, чтобы ответить. Ничего не вышло. Голос застрял в горле, где-то между сердцем, которое колотилось как бешеное, и лёгкими, которые отказывались втягивать воздух.

— Вы... — начала я и замолчала. Прокашлялась. Взяла себя в руки. Я Евгения Ярова, чёрт возьми. Я не краснею перед мужиками. Я не теряю дар речи. Я отшивала хама с дорогой курткой, а тут какой-то... какой-то...

Но он был не «какой-то».

Он был тем, от кого хотелось спрятаться. И одновременно — тем, к кому хотелось шагнуть. Ближе. Ещё ближе. Так близко, чтобы вдохнуть этот запах леса и дыма полной грудью, чтобы почувствовать его тепло, чтобы...

— Добрый день, — выдавила я наконец. Голос прозвучал хрипло, не так, как я хотела. — Что именно нужно? Лыжи? Сноуборды?

Я говорила, а сама не слышала своих слов. Все мысли улетучились, осталось только он. Его глаза. Его руки. Этот голос, который всё ещё звучал в ушах, вибрировал где-то в груди.

Он сделал шаг вперёд.

Магазин стал ещё теснее.

Я почувствовала его запах — теперь отчётливо, без помех. Хвоя, дым, кожа, снег — и что-то ещё. Что-то звериное, дикое, от чего внутри всё переворачивалось, требуя то ли бежать, то ли падать в его объятия.

Он подошёл к прилавку. Не спеша. Уверенно. Каждый шаг — как удар. Как обещание.

Я смотрела на его руки, которые легли на стойку. Крупные пальцы, твёрдые, без колец. Вены на тыльной стороне ладони вздувались, делая его руки ещё более... опасными. Такие руки могут быть нежными. Могут быть грубыми. Могут сжать так, что затрещат кости — или так, что захочется замереть навсегда.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня. В упор. Без улыбки. Без игры.

И я поняла: он чувствует то же, что и я. Это не показалось. Не привиделось.

Между нами что-то было. Что-то, чему я не знала названия. Что-то, что пугало до дрожи в коленях — и заставляло хотеть большего.

— Как вас зовут? — спросила я. Голос наконец окреп.

— Назар, — ответил он.

И когда он произнёс своё имя, мне показалось, что горы за окном дрогнули.

Или это просто земля уходила из-под ног?

Я не знала.

Я знала только одно: с этой секунды моя жизнь перестала быть моей.

* * *

Я взяла себя в руки.

Не знаю, как. Привычка — работать при любых обстоятельствах, держать лицо, не показывать слабость. Передо мной клиент. Обычный клиент. Не важно, что от него пахнет лесом. Не важно, что его глаза смотрят так, будто пробуют на вкус.

Я — продавец-консультант. Это моя работа.

— Что именно нужно? — голос почти ровный. — Лыжи, сноуборды, крепления?

Он не торопился с ответом. Стоял, чуть склонив голову, и смотрел. Изучал. Меня. Не витрину. Меня.

— Всё, — сказал он наконец. — База расширяется. Нужно обновить прокат. До двадцати человек.

Я достала из-под прилавка бланк заказа. Ручка — чёрная, новая.

— Мы можем оформить заказ. Срок поставки — от пяти до семи дней. Если хотите посмотреть каталог...

— Не нужно. Вы разбираетесь. Подберите сами.

Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь его отделял от прилавка только метр. Или меньше. Воздух между нами стал плотным, тяжёлым, как натянутая струна.

Я опустила глаза. На бланк. На свои руки — бледные, тонкие. А потом медленно подняла взгляд и остановилась на его руках.

Господи, его руки.

Они лежали на прилавке — большие, с крупными суставами. Ладони широкие, пальцы длинные, сильные. Мозоли на подушечках. Рабочие руки. Руки, которые знают тяжесть. На запястье — старые поцарапанные часы с потёртым кожаным ремешком.

— Подберу, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Укажите контакты. И на чьё имя оформлять заказ.

Я взяла ручку. Пальцы чуть подрагивали — я сжала их сильнее.

— Назар Гордеев.

Он произнёс своё имя так, будто это не просто имя. Будто ключ. Будто пароль в мир, о котором я ничего не знаю.

Я записала. Буквы легли ровно, но рука не слушалась.

— Телефон?

Он продиктовал. Я вписала цифры. Где-то на задворках сознания мелькнуло: «Ты запоминаешь его номер».

— Адрес базы?

— Верхнее ущелье. «Таёжный приют».

Я кивнула, записывая. Протянула ему бланк — проверить данные.

И наши пальцы соприкоснулись.

Всего на секунду. Кожа к коже. Его — горячая, твёрдая. Моя — ледяная от волнения.

Я вздрогнула. Он — тоже.

Бланк замер между нами. Я не могла отпустить. Он не забирал. Его зрачки расширились — я видела, как синева почти исчезла, поглощённая чернотой. Желваки на скулах напряглись. Ноздри чуть раздулись — он вдохнул. Глубоко. Будто пробовал воздух. Будто пробовал меня.

Тишина стала оглушительной.

Он ничего не спросил, не сказал. Он просто смотрел. И в этом взгляде был ответ.

— Спасибо, — сказал он наконец. И отступил от прилавка

Отошёл к стеллажу с масками. Сделал вид, что рассматривает ремешки.

Я смотрела на его спину. На то, как парка обтягивает широкие плечи. На то, как его пальцы перебирают лямки, но явно не видят их.

Он не уходил.

Я сглотнула. Пальцы сжались в кулаки под прилавком. Сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его.

«Что ты здесь забыл?» — хотела спросить я. Но не спросила. Потому что боялась ответа. Потому что не хотела, чтобы он уходил.

Он повернул голову — чуть-чуть. Я видела его профиль. Тяжёлую челюсть. Сжатые губы. Глаз — один — в который снова вернулась синева, но теперь в ней было что-то другое. Не холод. Огонь.

Он смотрел на меня через плечо. И ждал.

Чего? Я не знала.

Но воздух дрожал. И я дрожала вместе с ним.

Я чувствовала его присутствие каждой клеткой. Кожей. Позвоночником. Всем телом.

Он был здесь. Он не уходил.

И вдруг повернулся. Плавно, как хищник. Подошёл к прилавку.

Полез за бумажником. Рукав задрался.

Я увидела шрамы.

Свежие. Рваные. Следы зубов — глубокие, ещё розовые. Так не выглядят старые раны. Так выглядят те, что зажили недавно.

Как раз с того утра. С того склона.

Внутри что-то оборвалось — холодное, острое. Я не могла отвести взгляд.

Он заметил. Одёрнул рукав. Резко. Слишком резко. Его пальцы сжались в кулак, желваки на скулах напряглись.

— Дикие животные, — сказал он. Голос глухой. — В горах их много.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня — и в этой синеве было что-то, чему я не знала названия. Не страх. Не ложь. Что-то другое. Он знал, что я увидела. И он ждал моей реакции.

— Это — выдохнула я.

— Не важно, — перебил он. Тихо. Твёрдо. — Это было давно.

Ложь. Мы оба это знали.

Он достал деньги, положил на прилавок. Его пальцы чуть дрожали — или мне показалось? Забрал чек.

— Заказ будет готов через неделю, — сказал он. — Я зайду.

Направился к двери. У порога остановился. Замер.

Я видела, как напряглись его плечи. Как он сжал дверную ручку и не поворачивал её. Будто что-то держало его. Будто он боролся с собой.

Он обернулся.

— Берегите себя... Женя.

Моё имя. Из его уст.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросила я. Голос прозвучал тихо, но твёрдо.

Он посмотрел на меня. Долго. Тяжело. Потом перевёл взгляд на мою грудь. Бейдж. «Евгения».

— Прочитал, — сказал он.

Но он посмотрел на бейдж «**после**» того, как называл моё имя. Не до. После.

Я это видела. И он знал, что я видела.

Дверь открылась. Холодный воздух ворвался внутрь. Колокольчик звякнул.

Он ушёл.

Я осталась одна. Стояла за прилавком, сжимая край стойки, и смотрела на дверь.

В голове — только шрамы.

И один вопрос, на который у меня не было ответа.

Кто ты, Назар Гордеев?

* * *

ПУЛЬСАЦИЯ

Я закрыла магазин на автомате. Полы, касса, ключи. Дядька Витя ушёл раньше — сказал, голова болит. Я даже не запомнила, что ответила.

Дорога домой — как в тумане. Ноги несли сами, а голова была там. В магазине. С ним.

Дома — тишина. Я скинула куртку, не глядя. Чайник. Ромашка. Подоконник. Всё как всегда. Но сегодня всё было другим.

Я смотрела на горы и не видела их. Видела только его глаза. Его руки. Шрамы на предплечье.

«Кто ты, Назар Гордеев?»

Я произнесла это имя вслух. Оно прозвучало странно — чужое и одновременно родное. Будто я знала его всегда.

Телефон лежал на подоконнике. Я забила его номер в память. Просто на всякий случай. «Назар Гордеев». «Таёжный приют».

Палец завис над кнопкой вызова.

— Нет, — сказала я вслух. — Не сегодня.

Отключила экран.

И тут я почувствовала это.

Пульсация. На шее. Там, где нет никаких вен и артерий. Лёгкое, едва уловимое биение. Не сердце. Не пульс. Что-то другое. Будто под кожей проснулась маленькая живая нить.

Она тянулась туда. В горы. К нему.

Я коснулась шеи пальцами. Кожа была горячей. И под ней что-то дрожало. Живое.

Я замерла.

«Что со мной происходит?»

Тишина не ответила.

Но я знала: это только начало.

Глава.6

ДИКИЙ СКЛОН

Два дня я ждала. На третий он пришёл.

Я не хотела себе в этом признаваться. Говорила: это просто интерес. Просто нервы. Просто ничего.

Но сегодня я надела чёрную водолазку — тонкую, облегающую, с высоким воротом, который подчёркивал шею. Волосы распустила — не собрала в хвост, как обычно. Даже брови подвела — чуть-чуть, едва заметно.

Глупо. Он сказал «через неделю». Заказ будет готов только через неделю. У него нет причин возвращаться раньше.

Я работала как автомат. Туристы, лыжи, крепления, улыбка, чек, следующий. Дядька Витя где-то пропадал — то ли в подсобке, то ли уже ушёл. Я не следила.

В какой-то момент дверь открылась.

Я подняла голову — и сердце пропустило удар.

Назар.

Он стоял на пороге, такой же огромный, такой же пугающий и притягательный. Тёмная парка расстёгнута, под ней — простая футболка, обтягивающая широкую грудь. Лёгкая щетина на волевой челюсти. Глаза — ярко-голубые, почти синие — смотрели прямо на меня.

Он пришёл. Через два дня. Не через неделю.

Я не улыбнулась. Я замерла.

— Добрый день, — сказал он, и его низкий голос прокатился по спине, заставил мурашки танцевать на коже. — Решил уточнить детали заказа. Чтобы не ошибиться.

Я посмотрела на него. На бланк. Снова на него.

— Детали, — повторила я.

В его глазах мелькнуло что-то. Почти смущение. Почти.

— Да, — сказал он твёрдо. — Детали.

Я взяла себя в руки. Профессиональный тон.

— Какие именно?

Он подошёл к прилавку. Близко. Слишком близко. Я почувствовала его запах — лес, хвоя, дым. И что-то ещё, тёплое, живое, от чего внутри всё сжималось.

— Ассортимент, — сказал он. — Может, посоветуете что-то, чего я не учёл.

Я кивнула, достала бланк. Мы обсуждали лыжи, ботинки, крепления. Я говорила, он слушал. Кивал. Иногда задавал вопросы — по делу, без лишних слов.

Но я чувствовала: не за этим он пришёл.

В какой-то момент разговор свернул. Случайно. Или не очень.

— Вы катаетесь? — спросил он.

— На сноуборде, — ответила я. — Всю жизнь.

— Хорошо катаетесь?

— Лучше всех, — я усмехнулась. — По крайней мере, в этом городке.

Он чуть склонил голову. В его глазах мелькнуло что-то — интерес? Огонь?

— Я тоже, — сказал он.

Я не поняла.

— Тоже — что?

— На сноуборде, — он сделал паузу. — Катаюсь.

Я моргнула.

— Ты... на доске?

— А что, не похож? — в его голосе проскользнула усмешка.

Я окинула его взглядом. Широкие плечи, мощные руки, тяжёлая челюсть. Обычно такие выбирают лыжи. Или сноуборд, но с одним условием...

— На какой доске? — спросила я с вызовом.

— «Lib Tech», — ответил он без запинки. — Зелёный. Съезжаю на карвинговой стойке. Люблю скорость. И крутые склоны.

Я почувствовала, как внутри что-то перевернулось.

Не то чтобы я ожидала от него ответа «беговые лыжи». Но то, как он сказал это — спокойно, уверенно, без хвастовства — заставило меня взглянуть на него иначе.

Он не просто катается. Он — такой же. Из тех, кто выходит на склон не для того, чтобы «провести время с семьёй», а для того, чтобы рисковать. Чтобы лететь. Чтобы чувствовать себя живым.

— Карвинговая стойка? — переспросила я. — Это скучно.

— Это контроль, — парировал он.

— А я люблю, когда контроль теряется, — сказала я и сама удивилась своей откровенности.

Он посмотрел на меня. Долго. Тяжело. Так, что я почувствовала этот взгляд каждой клеткой.

— Опасное заявление, Женя, — сказал он тихо.

Мурашки побежали по позвоночнику.

Я хотела что-то ответить — дерзкое, острое, как обычно. Но слова застряли в горле.

Потому что он смотрел не на мои глаза. Не на лицо.

Он смотрел на мою шею.

Туда, где под тонкой кожей билась жилка. Туда, где пульсировала кровь. Туда, где он... что?

Я замерла.

Его взгляд был тяжёлым, почти осязаемым. Я чувствовала его, как прикосновение. Горячее. Требовательное.

Его зрачки расширились. Синева почти исчезла, уступив место черноте. Он смотрел на мою шею, и в этом взгляде было что-то голодное. Животное. То, что заставляло моё сердце биться быстрее, а дыхание — сбиваться.

Он сделал вдох. Глубокий. Ноздри чуть раздулись.

Я не двигалась. Не могла.

А потом он отвёл взгляд. Первым. Отступил на шаг. Провёл рукой по лицу — будто стирал что-то. Или прятал.

— Заказ хороший, — сказал он. Голос прозвучал хрипло, нутжно. — Спасибо за консультацию.

Он развернулся и вышел. Быстро. Слишком быстро.

Дверь закрылась. Колокольчик звякнул.

Я осталась одна. Стояла за прилавком, чувствуя, как дрожат пальцы.

Воздух в магазине постепенно остывал, теряя его запах — хвою, дым, лес. Но внутри меня всё ещё горело. То место на шее, куда он смотрел, пульсировало. Я потрогала кожу — горячая. Как будто он прикоснулся.

— Ты дура, — сказала я себе тихо.

Но голос прозвучал неубедительно.

Я взяла себя в руки, пересчитала кассу, протёрла стойку. Делала всё на автомате, потому что мысли были не здесь. Они были с ним. С этим мужчиной с голубыми глазами, который смотрел на меня так, будто хотел съесть.

День тянулся бесконечно.

Туристы приходили и уходили. Я отвечала на вопросы, подбирала снаряжение, улыбалась. Но всё время краем глаза смотрела на дверь.

Он не вернулся.

Я закрыла магазин, пришла домой. Не зажигая свет, села на кровать. В темноте его лицо вставало перед глазами. То, как он отвёл взгляд первым. То, как его голос дрогнул, когда он сказал «спасибо за консультацию».

Он хотел что-то сказать. Что-то ещё.

Но не сказал.

Я легла спать с мыслью, что завтра — новый день. И он не придёт. Зачем? Заказ уже оформлен. Всё обговорено. Ему не нужен магазин. Ему не нужна я.

Я почти поверила.

* * *

Утро следующего дня я встретила с какой-то странной, лихорадочной надеждой.

Снова причесалась. Снова надела не рабочий свитер — тот самый, с высоким воротом. Даже брызнула духами — теми, что стоят на полке год, потому что «некуда их носить».

Глупо. Он не придёт.

Я работала. Туристы, лыжи, крепления. Дядька Витя сегодня был на месте — сидел в подсобке, пил чай, иногда высовывался с дурацкими шутками. Я отвечала автоматически, не слушая.

Ближе к вечеру я уже перестала ждать.

И тут дверь открылась.

Он.

Назар стоял на пороге, и в его глазах было что-то новое — не спокойная уверенность, а напряжение. Будто он боролся с собой. Будто не знал, правильно ли делает.

— Добрый вечер, Женя, — сказал он.

— Добрый, — ответила я. Сердце колотилось где-то в горле.

Он подошёл к прилавку. Остановился. Посмотрел на меня — долго, тяжело.

— Я хочу показать вам одно место, — сказал он. — Перевал. Там лучший вид на долину. И склон — дикий, туда не ходят туристы. Отличный спуск для тех, кто не боится скорости.

Он сделал паузу.

— Поедете со мной?

Я смотрела на него и не могла дышать.

Дикий склон. Скорость. Место, где нет людей. Он предлагал мне не просто прогулку. Он предлагал мне то, что я любила больше всего — риск, свободу, горы.

И себя.

Потому что его глаза говорили: «Я хочу быть с тобой там, где никого нет. Я хочу увидеть тебя настоящей. Я хочу...»

Я не знала, чего он хотел. Но внутри всё кричало: да. Да. Да.

А другой голос — холодный, рассудительный, тот, который спасал меня от глупостей — шептал: «Не лезь. Он опасен. Ты чувствуешь это. Он не такой, как все. Он скрывает что-то. Ты не знаешь, кто он. Не доверяй. Не иди».

Но желание было сильнее.

Оно сжигало меня изнутри. Заставляло забыть о страхе, о сомнениях, о том, что я всегда держала мужчин на расстоянии.

С ним я не могла держать дистанцию. С ним я хотела быть ближе. Так близко, как только возможно.

— Когда? — услышала я свой голос.

Он выдохнул. Я заметила — краем глаза, краем сознания — как расслабились его плечи. Будто он боялся, что я откажусь.

— Завтра, — сказал он. — В шесть вечера. Я заеду.

Я кивнула. Не могла говорить.

Он посмотрел на меня ещё секунду. Его взгляд скользнул по моему лицу, остановился на губах, потом снова поднялся к глазам.

— До завтра, Женя, — сказал он тихо.

Развернулся и вышел.

Дверь закрылась. Колокольчик звякнул.

Я стояла за прилавком, сжимая край, и не могла поверить.

Я только что согласилась на свидание с мужчиной, который, возможно, не человек. И теперь не могла дождаться завтрашнего вечера.

Страх. Желание. Огонь, который я не могла погасить...

Глава.7

СВИДАНИЕ НА ПЕРЕВАЛЕ

Я не спала всю ночь.

Ворочалась, смотрела в потолок, прислушивалась к себе. Что я делаю? Зачем согласилась? Он — чужой мужчина. Опасный. От него пахнет лесом и зверем. Он смотрит на меня так, будто хочет сожрать.

А я хочу, чтобы он это сделал.

Эта мысль пришла под утро, когда за окном начало светлеть. Я села на кровати, обхватила колени руками и уставилась в стену. Внутри всё дрожало — не от страха. От предвкушения.

Весь день я ходила как в тумане.

Дядька Витя дважды спросил, всё ли со мной в порядке. Я отмахнулась. Сказала, что плохо спала. Он не поверил, но лезть не стал.

К пяти вечера я уже была готова. Джинсы — чёрные, облегающие. Свитер — тёплый, но не мешковатый, тот самый, с высоким воротом. Волосы распустила. Духи — каплю, на запястья.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

— Ты собралась на свидание, — сказала я себе. — Ты, Евгения Ярова, которая никому не нужна. Которая всех посылает. Которая не верит в любовь.

Я криво усмехнулась.

— Идиотка.

Но дверь закрыла за собой с таким чувством, будто шагаю в пропасть.

«Ленд Крузер» стоял у крыльца. Старый, тёмно-зелёный, с потёртыми бамперами и шинами, которые видали не одну зимнюю дорогу. Назар ждал у машины — высокий, мощный, в тёмной парке с меховым капюшоном.

Увидел меня. Замер.

На секунду — всего на секунду — его глаза расширились, и я поняла: он тоже волнуется. Этот огромный, уверенный в себе мужчина. Волнуется. Из-за меня.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос низкий, чуть хриплый.

— Добрый вечер, — ответила я.

Он открыл передо мной дверь. Я села внутрь — и сразу утонула в запахе. Дерево, кожа, лёгкий аромат хвои. И что-то ещё — тёплое, живое, его. Я вдохнула глубже, чем следовало.

Он занял место за рулём. Двигатель заурчал — мощно, надёжно. Мы выехали на трассу.

Серпантин вился между скал, поднимаясь всё выше. Я смотрела в окно — на горы, на снег, на розовеющее небо. Молчала.

Он молчал тоже.

Но молчание не было тяжёлым. Оно было наполненным. Каждый поворот, каждый взгляд в зеркало, каждое движение его руки на рычаге передач — всё говорило громче слов.

Я смотрела на его профиль. Мощный, грубый, красивый той дикой красотой, от которой слабеют колени. Челюсть, чуть тронутая бородой. Скулы — острые, как скалы. Нос с лёгкой горбинкой. И глаза — когда он поворачивался ко мне, я видела эту синеву, и сердце пропускало удар.

Он чувствовал мой взгляд. Я знала. Его пальцы сжимали руль чуть сильнее. Он не смотрел на меня — но знал.

Мы поднялись на перевал.

Назар остановил машину у смотровой площадки. Вышел, открыл мою дверь. Я ступила на снег — и замерла.

Внизу, далеко внизу, лежала долина. Укутанная снегом, она искрилась в лучах закатного солнца. Вершины гор горели розовым и золотым — будто кто-то разлил по ним расплавленный металл. Тишина. Только ветер гуляет между скалами, и где-то далеко кричит птица.

Я стояла у обрыва, смотрела и не могла надышаться.

— Красиво, — прошептала я.

— Да, — сказал он. Но смотрел не на долину. На меня.

Я почувствовала его взгляд — горячий, тяжёлый. Обернулась. Он стоял рядом, слишком близко.

— Кофе? — спросил он и полез в машину.

Достал термос. Старые кружки — металлические, выдавшие виды. Налил. Подал.

Я взяла. Наши пальцы снова соприкоснулись. Его — горячие, твёрдые. Мои — чуть дрожащие.

Мы стояли у обрыва, пили кофе, смотрели на закат. Солнце медленно опускалось за хребет, тени становились длиннее, снег темнел.

— Почему вы не уехали в город, Женя? — спросил он.

Я задумалась. Не потому, что не знала ответа. А потому, что хотела ответить честно.

— А зачем? — я пожала плечами. — Чтобы сидеть в офисе и умирать от тоски? Смотреть в окно на серые стены? Здесь я живая. Здесь я дышу. Здесь я — есть.

Он смотрел на меня. Долго. Внимательно. Так, будто видел впервые.

— Живая, — повторил он. — Это редкое качество.

Я усмехнулась.

— Не такое уж редкое. Просто большинство его прячут.

— А ты не прячешь, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— А смысл? — я сделала глоток кофе. — Всё равно видно.

Он промолчал. Но я чувствовала — ему есть что сказать. Он просто не говорит.

— А ты? — спросила я.

Слово сорвалось само. Не «вы». «Ты». Я перешла границу. И он это заметил — я видела по его глазам.

Он посмотрел на горы. На долину. На закат.

— Это мой дом, — сказал он. — Я родился здесь. Вырос. Здесь моя семья.

— Семья? — переспросила я.

— База в горах, — ответил он скупое. — Живу один. Сестра есть, Алена. Младшая.

— А родители?

— Мать умерла, когда я был маленьким. Отец — он замолчал. На секунду. — Отец погиб.

Я не стала спрашивать как. Чувствовала — не время.

— Прости, — сказала я тихо.

Он кивнул. Не ответил.

Мы снова замолчали. Но молчание было другим — более тёплым, более близким.

Я смотрела на его профиль. На то, как закатное солнце подсвечивает его лицо, делая черты ещё более резкими, ещё более красивыми. На его руки, которые держали кружку — крупные, сильные, с выпуклыми венами.

Он чувствовал мой взгляд. Я знала.

— Женя, — сказал он тихо.

— М?

— Ты смотришь на меня.

— И что? — ответила я. И не отвела глаз.

Он повернулся. Теперь мы смотрели друг на друга. Близко. Слишком близко.

Его глаза — синие, глубокие, с тёмным ободком — горели. В них не было холода. Только огонь. Только желание. Только то, что заставляло моё сердце биться быстрее, а дыхание сбиваться.

— Назар, — прошептала я.

Он сделал вдох. Глубокий. Ноздри чуть раздулись.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказал он. Прямо. Без игры. — Но не буду. Не здесь. Не сейчас.

Я замерла.

— Почему? — спросила я. И мой голос прозвучал хрипло, почти умоляюще.

— Потому что если я начну, я не смогу остановиться, — сказал он. — А я хочу сделать всё правильно.

Он отступил на шаг. Сунул руки в карманы парки. Сжал челюсть так, что желваки заходили ходуном.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё горит. Как каждая клетка кричит: «Поцелуй меня. Сейчас. Не жди».

Но он ждал. Он был сильнее.

И это заставляло хотеть его ещё больше.

— Поехали, — сказал он. — Холодает.

Я кивнула. Не могла говорить.

В машине мы снова молчали. Но теперь молчание было другим — не наполненным, а натянутым, как струна перед тем, как лопнуть.

Я смотрела на его руку на рычаге передач. На шрам на указательном пальце. На мозоли. Хотела коснуться. Не решалась.

Он довёз меня до дома. Остановился. Выключил двигатель.

Мы сидели в тишине. Я слышала, как стучит моё сердце.

— Женя, — сказал он.

— Да?

— Спасибо за вечер.

— Спасибо, Назар.

Он не торопился уходить. Не торопился прощаться.

— Ты должна знать, — сказал он, глядя в лобовое стекло. — Я не простой человек. Есть вещи, которые я не могу объяснить. Пока.

Я повернулась к нему. Посмотрела на его профиль, на сжатые губы, на то, как он сжимает руль.

— Я знаю, — сказала я.

Он повернулся. В его глазах было удивление.

— Откуда?

— Не знаю, — честно ответила я. — Просто чувствую.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я перестала дышать.

Потом кивнул. Открыл дверь. Вышел, чтобы открыть мою.

Я вышла. И оказалась прижатой к нему.

Близко. Слишком близко. Его тело — горячее, твёрдое, как скала — было в миллиметре от моего. Я чувствовала жар, исходящий от него. Его парка была расстёгнута, и от него пахло теплом. Живым. Мужским.

Он смотрел на меня сверху вниз. Его глаза — синие, глубокие — стали почти чёрными. Зрачки расширились, поглощая цвет. Ноздри раздувались. Он дышал часто, тяжело, будто после долгого бега.

— Я не могу, — прошептал он. Голос прозвучал хрипло, сломанно. — Я пытался. Честно пытался.

Его рука поднялась. Коснулась моей щеки. Пальцы дрожали.

— Твой запах — он закрыл глаза. — Я схожу с ума.

Я не дышала. Не могла.

Он наклонился. Медленно. Будто давая мне последний шанс оттолкнуть его.

Я не оттолкнула.

Его губы накрыли мои.

Поцелуй был не нежным. Голодным. Отчаянным. Его руки сжали мою талию, притянули к себе — так близко, что я почувствовала каждый мускул его тела. Он целовал меня так, будто умирал от жажды, а я была водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.